

ЙЕНС ЛАПИДУС

18+

СТОКГОЛЬМ DELETE

От автора бестселлера
«Шальные деньги»

Мастера саспенса

Йенс Лapidус
Стокгольм delete

«АСТ»

2015

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

Лapidус Й.

Стокгольм delete / Й. Лapidус — «ACT», 2015 — (Мастера саспенса)

ISBN 978-5-17-101984-6

Новый мрачный и жесткий роман Йенса Лapidуса, автора бестселлеров «Шальные деньги» и «VIP-зал». Отбыв срок за похищение Матса Эмануэльссона, ныне считающегося мертвым, сербский иммигрант Найдан, по прозвищу Тедди, устраивается на работу в юридическую фирму, в которой ему поручают решение самых «деликатных» вопросов. Его племянник Никола выходит из Исправительного дома для трудных подростков и попадает под влияние криминального мира. Тем временем адвокат Эмили Янссон, молодая коллега Тедди, пойдя против правил своей фирмы, соглашается защищать сына Матса, обвиняемого в убийстве. Тедди, Никола и Эмили оказываются вовлечены в игру, правил которой они до конца не понимают.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-101984-6

© Лapidус Й., 2015
© ACT, 2015

Содержание

Вермдё	6
Часть I	10
1	10
2	15
3	19
4	25
5	33
6	38
7	42
8	50
9	52
10	54
11	63
Часть II	69
12	69
13	75
14	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Йенс Лapidус

Стокгольм delete

© Jens Lapidus 2015

© Штерн С., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Вермдё

Нельзя сказать, чтобы Тони Каталхейюк ненавидел свою работу. Но и не любил. Мечтал служить в полиции, поступал дважды в училище – не приняли.

Несправедливо.

Превосходное зрение, великолепный слух. Тесты на физическую подготовку выполнил – инструкторы переглядывались. Протащил восьмидесятикилограммовую куклу сто метров играючи, как тореадор мулету. Здоров как бык, никаких ограничений, безупречная биография. О каких-то судимостях и речи нет. Никогда не баловался наркотой, хотя приятели в гимназии много раз предлагали.

– Пара косячков – да это покруче, чем любая телка.

– Кому как, – улыбался Тони и отказывался.

А с психологами ему не повезло. Прощебетали на своем птичьем языке: нельзя, дескать, исключить риск, что он, Тони Каталхейюк, «не сможет в достаточной степени способствовать саморазвитию и совершенствованию коллег по профессии», что у него якобы есть «трудности в осознании себя как части целого», что он «не воспринимает себя как члена команды». Индивидуальный игрок, так сказать.

И как, интересно, они это установили?

Позвонил в приемную комиссию, а там пошуршали бумагами и повторили тот же бред, что несли эти недогрёбанные психологини. Слово в слово, наверняка просто-напросто прочитали их заключение вслух.

Тони спорил и настаивал:

– Если вы не объясните толком, я это так не оставлю.

– Вот-вот, – сказала женщина, – теперь я, ко всему прочему, могу еще добавить: у вас серьезные проблемы с умением сотрудничать.

Бред сивой кобылы. Полжизни он играл в командах, пока не начал заниматься грэпплингом¹. И конечно же у него не было никаких «проблем с умением сотрудничать». Но стервы, которые занимались тестированием и проводили интервью... эти ведьмы слетелись на свой шабаш и постановили, что полицейским ему не быть.

Полиция в его помощи не нуждается.

Почему – можно гадать хоть до скончания века.

Небо уже начало сереть, хотя лес на обочинах – сплошная черная стена. Тони гнал, не обращая внимания на ограничения скорости. Начальство на такие нарушения смотрело сквозь пальцы, если не поощряло. Особенно по ночам. Поощрять-то поощряло, но никогда бы в этом официально не призналось.

«Наше место либо здесь, у пульта, либо у заказчиков. Люди довольны, когда охрана быстро реагирует. Хотя кто мы, по сути? Ночные сторожа в мундирах».

Сторожа в мундирах.

Тони ненавидел эту фигуру речи. Никакой он не сторож. Его призвание – бороться с преступниками. Как полицейский. Не зря же он рвался в школу полиции.

Сигнализация сработала минут пятнадцать назад. Дом в лесу недалеко от Энгсвика, на севере Вермдё.

¹ Боевое искусство, включающее в себя преимущественно борьбу на земле. Этот вид борьбы разработан на основе самбо, дзюдо, вольной борьбы и бразильского джиу-джитсу. В грэпплинге решающее значение имеет не грубая физическая сила, а прежде всего технический арсенал спортсмена. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Обесточка, судя по сигналу, но через несколько минут свет включился. Возможно, сработал предохранитель.

Дорога пустая, можно придавить железку, тем более что Робин подсказал: радары не работают. На все радары не хватает камер.

Тони знает эту дорогу как свои пять пальцев. И навигатор работает идеально.

Вот и поворот. Не снижая скорости, свернул направо. Здесь он никогда не был. Все равно – вероятность появления машины исчезающе мала. На этом участке жилья нет – проверил по карте.

Осталось четыреста метров. Что-то блеснуло в свете фар в канаве за кустарником. Машина? Авария? Может, стоит остановиться и проверить? Нет, уже нет времени; охрана должна прибыть на место не позднее чем через двадцать пять минут после сигнала. Так написано в договоре с клиентом: двадцать пять минут – крайний срок. Далеко ли, близко ли охраняемый объект – значения не имеет. Двадцать пять минут – гарантируем. В любую погоду.

Под колесами захрустел гравий – он въехал на участок. Красный деревянный дом с белыми наличниками напомнил футбольную спортшколу, где он занимался в детстве. Пять лет подряд первые две недели летних каникул они с братом проводили на острове в северном архипелаге, играли в футбол и спали в красных деревянных домиках.

Тони вырос в Фисксетре², родители даже не помышляли перебраться в другой район. Это, кстати, наверняка объясняло, почему он с удовольствием работал в Вермдэ: каждый раз, когда срабатывала сигнализация в одном из этих выкрашенных красной фалунской краской домов, он вспоминал волшебные футбольные каникулы.

И неважно, что тревога в девяти из десяти случаев оказывалась ложной.

Чуть поодаль – навес для машины. Под навесом пусто.

Сирены молчали – наверняка владелец выключил, обычная история. На рутинный звонок диспетчера никто не ответил. Тоже ничего удивительного.

Что происходит, когда система оповещения реагирует на обесточку? Происходит вот что: полусонный хозяин, ругаясь, щелкает рычажком выбитого предохранителя и мгновенно засыпает.

Но как-то уж слишком тихо здесь, слишком спокойно. Будто в ожидании прибытия охраны дом затаил дыхание. Это ему не понравилось. Он набрал на мобильнике номер – еще раз, на всякий случай.

Молчание.

И дверь типичная – выкрашена желтой краской, с полукруглым, разделенным на секторы смотровым окном наверху. Встал на цыпочки, заглянул – внутри темно. Нажал на кнопку и послушал мелодичный дверной звонок.

На крыльце пара резиновых сапог и стул, на стуле сложены штабелем плоские цветные подушки для катера. Или, может быть, для дачной мебели.

Опять позвонил.

Он прекрасно знал, как поступать в подобных ситуациях. Шеф по многу раз напоминал им СП – стандартные процедуры. Визуальный осмотр объекта, проверка «типовых обстоятельств». Все документировать и позвонить на пульт.

Типовые обстоятельства: странно припаркованные машины, забытая фомка на влажной траве, шкаф с предохранителями. Взломанная дверь, грязные следы на террасе, разбитые окна.

Ничего не пропустить.

² Один из наименее привлекательных пригородов Стокгольма.

Осмотр, осмотр и еще раз осмотр.

А вот и одно из «типовых обстоятельств» – открытое окно. Едва ли не самая частая причина ложного вызова. Клиент забыл запереть, а ночью поднялся ветер.

Ну нет. Только не в этом случае. Сигнализация сработала не на открытое окно, а на кратковременную обесточку.

Тони подошел к открытому окну. Армейские башмаки намокли, неважно. Что им делается...

В комнате тоже темно.

Встал на цыпочки и тут же увидел, что стекла в двойной раме вырезаны – и внешнее, и внутреннее. Идеально круглые отверстия. Классический, хоть и продвинутый способ: круглую присоску обводят стеклорезом по периметру, легкий, но резкий удар, и – хоп! – вырезанный диск остается на присоске, а в стекле дыра. Остается просунуть руку и открыть шпингалет. Тихо и эффективно.

Все ясно. Вызов поступил, потому что преступник попытался отключить питание сенсорных датчиков. И отключил, но у этого клиента была установлена резервная, так называемая противосаботажная система. Именно так она и работает.

В висках застучало. Пульс заметно участился.

Он отошел на несколько метров, позвонил на пульт и коротко доложил – тревога не ложная, речь идет о взломе.

– Они еще там? Грабители? – спросил Робин. Он сегодня дежурит на пульте. «Обеспечивает связь», как сказал бы шеф.

Вопрос не праздный. Чтобы найти то, за чем пришли, нужно время. Так что вероятность, что грабители еще здесь, не исключается. Об этом Тони не подумал.

– А хозяин? Где наш клиент? Дома?

– Понятия не имею. Я названивал, как разносчик пиццы. Никто не открывал.

Сунул мобильник в чехол и пошел к входной двери.

Неизвестно почему в последнее время участились случаи взломов квартир в присутствии хозяев. Воры пробираются на второй этаж, где окна и двери обычно не защищены сигнализацией. И спокойно работают.

Хитры, паразиты.

Ну нет, с этим надо кончать. Тони решил взять дело в свои руки.

Посмотрел на входную дверь. Потрогал ручку и удивился – дверь не заперта.

Вошел в прихожую. Одежда на вешалке колыхнулась от порыва ветра. Здесь пахло старым деревом и гарью от камина.

Достал фонарик. На полу лежало что-то бесформенное, похоже, тюк с бельем. Направо – лестница на второй этаж, прямо перед ним – кухня.

На всякий случай достал телескопическую дубинку. Каленая сталь, длинная, длиннее не бывает – двадцать шесть дюймов. Никогда не приходилось пользоваться, только на тренировках. Но Тони всегда имел эту штуку при себе – мало ли что. Все когда-то бывает впервые.

Он прошел в кухню.

Кухня как кухня, образцовый порядок. А вот и открытое окно. Вид изнутри. Прямо напротив окна круглые настенные часы. Четверть пятого.

Открытая планировка, направо, без дверей, – гостиная. Под ногами захрустело разбитое стекло. Он направил луч фонаря вниз – пол усеян осколками.

Мебели совсем мало – кресло, журнальный столик.

А у столика на полу...

Он подошел поближе и посветил фонариком.

Труп.

Он никогда ничего подобного не видел.

Голова! Лица нет. Вместо лица – сплошная кровавая маска.
Средостение прошла отвратительная судорога, и его вырвало на ковер.
Он взял себя в руки и осветил вокруг.
Весь пол залит кровью.
Он схватил телефон.
– Успокойся, – кричал Робин, – успокойся, говори толком.
– Убийство, – Тони чуть не плакал, – жуткое зрелище! Какое там дышит! Вызывай полицию, медиков... это черт те что!
– А кто-то еще там есть?
Тони чуть не выронил телефон. Он и думать забыл – а вдруг убийца еще здесь? Вполне может быть. Он в панике оглянулся.
– Никого не видно. Что мне делать? Осмотреть дом?
– Решай сам. Во дворе ничего не заметил?
Он выскочил на крыльцо. Как он мог забыть?
– Тони, что ты делаешь? Алло!
– Проклятье, Робин... я видел машину на обочине, – он произнес эти слова на бегу.
– Я звоню в полицию, будь на связи, – Тони услышал, как Робин переключил канал.
На свежем воздухе ему стало лучше. Он попробовал стереть в памяти увиденный кошмар. Пусть этим занимается настоящая полиция. Сейчас он был даже рад, что не полицейский.
Сторож в мундире. Всего-навсего. Сторож в мундире. И спросу – как со сторожа.

В неверном свете занимающегося утра автомобиль выглядел так, будто собрался ввинтиться в канаву. Тони раздвинул кусты – весь моторный отсек искорежен.
Взрытая земля. Как он мог все это заметить за плотным кустарником? Никак.
Он подошел поближе. Опять приготовил на всякий случай дубинку – и, то и дело оскользаясь и цепляясь за траву, чтобы удержать равновесие, спустился в канаву.
Новенький «Вольво»-универсал, шестидесятая модель.
Тони подошел поближе.
И только теперь увидел – за рулем человек.
– Алло!
Водитель не шевельнулся.
Лобовое стекло вдавлено и покрыто мелкой сетью трещин, но осколков нет. Триплекс – надежная штука.
Потянул за ручку – дверца открылась на удивление легко.
Теперь он увидел, что сработала подушка безопасности.
Молодой человек. Совсем молодой, лет двадцать. Блондин.
Полусдувшаяся подушка лежит на руле как пластиковый пакет.
Либо без сознания, либо мертв.
Тони тронул дубинкой руку.
Никакой реакции.

Часть I Май

1

Что ж, пока надо жевать все это дерьмо. Пока он, Никола, вынужден именно этим и заниматься: жевать дерьмо.

Он сидит уже год.

Но скоро конец. Завтра последний день. Слава богу – завтра уже может вышагивать с дедом в церковь. С Бояном.

Ему девятнадцать. Швеция – больная страна. Идиоты. Они обращаются с ним как с несовершеннолетним. И все из-за мамы. Линда... ей никогда не надоест ворчать. Она все время угрожает: выгоню из дома, порву с тобой навсегда. И еще хуже: Тедди. Собственно, ему никто и не нужен, кроме Тедди. Разочаровать Тедди – он даже подумать об этом не мог. Он любил Тедди больше, чем... чем свежий порционный снюс, чем все джойнты в мире. Даже больше, чем приятелей. Приятелей, с которыми вырос, которые называли друг друга братьями.

Тедди – его дядя, брат матери.

Тедди – кумир. Икона. Пример для подражания. Он знал только одного человека, кто мог бы сравниться с Тедди: Исак.

И чем все кончилось? Отработки, штрафы, бесконечное нытье социалки. Линда решила поместить его в исправительное учреждение. Это она его сюда залопатила! Решила отправить *родного сына* в исправительное учреждение! В *никаких-косячков-никаких-развleчений*, траханое исправительное учреждение.

Здесь он и провел целый год. Спиллерсбуда. Исправительный дом для трудных подростков. ИДТП.

Если подросток подвергает риску свое здоровье или нормальное развитие путем злоупотребления вызывающими привыкание средствами, преступной деятельности или других социально неприемлемых действий...

Он слышал этот параграф четырнадцать миллионов раз.

Хоть двадцать восемь. Пустозвонство.

И минуты не проходило, чтобы он не повторил мысленно: мамаша – сволочь.

Мамаша – сволочь.

– Я же все для тебя делаю, – повторяла она беспрерывно, не успевал он приехать в увольнительную. – Все, что в моих силах. Был бы у тебя отец...

– У меня есть Тедди!

– Тедди? – мамаша покачала головой. – Твой дядя просидел за решеткой восемь лет из последних десяти. И где, интересно, он у тебя есть? В каком месте? В камере?

В классе он сидел за последней партой. Все как обычно. Они хотят его сломать.

Мамаша – сволочь. Иногда к этому рефрену он добавлял:

– И Сандра – сволочь.

Так называемый куратор. Сандра. У нее любимая тема – как искать работу. Ты должен представить себя «в выгодном свете», «правильно формулировать письма»... Лизать жопу, одним словом. Он для того и выбрал линию профподготовки – избежать всей этой пустой болтовни. К тому же его вовсе не привлекала жизнь «с-девяи-до-пяти». Или ремесленная

работа по-черному – чуть получше, но все равно дерьмо. Есть куда более быстрые способы сшибить бабло. Опыт уже есть. Поработал на Юсуфа – деньги в кармане. И работа не пыльная, и бабки приличные.

Мини-собеседования: Никола и еще пять парней в группе. Раз в неделю. Книги читают. Все остальное время он должен появляться на предоставленном ему рабочем месте практиканта в Окерсберге, на фирме «Георг Самюэль. Электросервис». Нормальный мужик этот Георг, только Никола не мог заставить себя заниматься всей этой чепухой.

А эти мини-собеседования... не такие уж мини – шесть рыл.

И мать, и заведующий в Спиллерсбуке в один голос: это тебе полезно, у тебя проблемы с концентрацией внимания, может, ты и не получишь зачет по шведскому, но, по крайней мере, научишься читать. Долдонят... как алкаши на садовой скамейке в Ронне. Читать... что, он читать не умеет, что ли? У деда крыша поехала на этих книгах... гений чтения из Белграда. Он научил Николу читать, когда ему и шести не было, сидел у его кровати со всякими «Островами сокровищ», «Таинственными островами»... «Двадцать тысяч лье под водой». Прикольные истории, между прочим...

Единственное, что Никола хотел, – уйти от радаров. Растечься, как масло по воде, жить той жизнью, которая ему подходила, а не гнить в классной комнате. И уж во всяком случае не под лупой этих блевотных аббревиатур. ИДТП... и в самом деле, блевать охота.

Конец всему этому дерьму, конец. Двенадцать месяцев в самой тоскливой заднице планеты позади.

Его ждет настоящая жизнь, Жизнь с большой буквы.

Уже началась. Юсуф знает, что он вот-вот вылупится. Уже позвонил – не может ли Никола помочь в одном дельце через несколько дней.

Постоять на стреме. Но не так, как обычно. Не как мальчик на побегушках. Дело серьезное – переговоры. Стрелка. Суд между воюющими бандами в Сёдертелье. Кто там истец, кто ответчик, Никола пока не знал, но главным судьей будет Исак. Он и решит, как поступать.

Исак – настоящий судья, судит по справедливости. Не то что эти придурки из системы, которая посчитала нужным запереть Николу на год. «Для исправления».

Сам Исак просил. Ну что ж, это шаг наверх...

Но все равно – Никола пока не решил.

Полицейское управление Стокгольма
Допрос Матса Эмануэльссона, 10 декабря 2010 года
Следователь: Йоаким Сунден
Место: следственный изолятор в Крунуберге
Время 14.05–14.11

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ЙС: Все ваши показания будут записаны на магнитофон.

МЭ: Хорошо.

Мы находимся в помещении для допросов, следственный изолятор в Крунуберге. Сегодня 10 декабря 2010 года, имя подследственного – Матс Эмануэльссон, 44 года. Все правильно?

МЭ: Да.

ЙС: Вы согласны, что допрос будет проходить без присутствия адвоката?

МЭ: А что это значит?

ЙС: Ничего сверхъестественного. Дело пойдет намного быстрее, если нам не придется просить суд назначить адвоката, на это уйдет время. И еще не факт, что адвокат явится немедленно, у адвокатов своя рабочая схема. Короче говоря, если вы требуете адвоката, я не могу гарантировать, что допрос состоится сегодня, завтра, послезавтра или через неделю. А вам придется дожидаться его в камере.

МЭ: Но я не могу сидеть взаперти. Паника начинается. Меня уже один раз похищали, вам это известно?

ЙС: Нет, я ничего про это не знал. Что случилось?

МЭ: Похищение, вот что случилось. Бросили в ящик и забили гвоздями. Пять лет назад. У меня... клаустрофобия, я к психологам ходил, так что... Короче, мне надо выйти отсюда как можно скорее.

ЙС: Тогда... я так понял, вы согласны начать допрос без адвоката.

МЭ: Лишь бы выйти побыстрее.

ЙС: Первым делом я должен сообщить, в чем вас подозревают. Вы подозреваетесь в содействии незаконному обороту наркотиков. Вас задержали позавчера в Старом городе. Содействие заключалось в том, что вы совместно с Себастьяном Матуловичем, или Себбе... мы, во всяком случае, думаем, что его кличка Себбе... вы имели на руках пока неизвестное количество наркотических препаратов.

МЭ: Незаконному обороту? Наркотиков? Я содействовал незаконному обороту наркотиков?

ЙС: Да, именно в этом вы подозреваетесь.

МЭ: А вы уверены?

ЙС: Совершенно уверен. У меня есть все основания быть уверенным.

МЭ: А другие подозреваемые есть?

ЙС: На сегодняшний день я не могу вдаваться в эти подробности.

МЭ: Я к этому отношения не имею.

ЙС: То есть вы отрицаете преступление?

МЭ: Само собой.

ЙС: Тогда у меня есть несколько вопросов.

МЭ: Есть – значит есть. Задавайте.

ЙС: Что вы делали в Старом городе?

МЭ: Ничего особенного. Был там, вот и все.

ЙС: Вы знакомы с Себастьяном Матуловичем?

МЭ: Без комментариев.

ЙС: Вы знаете, кто это такой?

МЭ: Без комментариев. А что, его взяли?

ЙС: Вы не хотите подтвердить, что вы с ним знакомы, и в то же время вам интересно, взяли его или нет?

МЭ: Интересно.

ЙС: В таком случае могу сообщить. Приказ на его арест получен, но он пока на свободе. У меня есть еще несколько вопросов.

МЭ: Давайте.

ЙС: «Рендж-Ровер» с регистрационными номерами MGF 445 принадлежит вам?

МЭ: Без комментариев.

ЙС: С кем Себбе встречался в Старом городе?

МЭ: Без комментариев.

ЙС: Известно ли вам, что он там делал?

МЭ: Без комментариев.

ЙС: То есть вам нечего комментировать?

МЭ: Так оно и есть. Комментировать мне нечего. Я уже сказал: я к этому отношения не имею. И уж совсем не знаю, почему я здесь. У меня голова на части разывается...

ЙС: Вы замешаны в позавчерашнем инциденте.

МЭ: Я ничего не знаю. «Незаконный оборот наркотиков»... это какой-то другой, неизвестный мне мир.

ЙС: Пожалуй... я тоже удивлен, если быть честным. Давайте сделаем по-другому. Подождите немного, я выключу запись...

Допрос закончен в 14.11

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА 1

После отключения записи

ЙС: Итак, магнитофон отключен. Значит, это уже не формальный допрос, а... назовем так: доверительная беседа. Вы и я, никого больше.

М: И что это значит?

ЙС: Это значит, что вы можете говорить свободно. И я тоже. Если вы захотите, разговор останется между нами. И я буду откровенен с вами, Матс. У вас двое детей, нормальная работа, и то, что вы рассказывали насчет похищения, – чистая правда. Это, должно быть, ужасно – то, что вы пережили. Вам ни к чему сидеть взаперти.

М: Так почему бы вам меня не отпустить? Просто-напросто – отпустить? Я уже два дня здесь... хорошо, что вы проверили насчет похищения, значит, понимаете, что такая травма без следа не проходит. Я до сих пор очень плохо себя чувствую.

ЙС: Но вы же понимаете, что торговля наркотиками – это серьезно. В этом расследовании мы пользовались секретными методами... нет, не по отношению к вам, а к другим.

М: А это что значит?

ЙС: Прослушивание помещений, телефонов, внешнее наблюдение. Доказательств у нас мешок. И, к сожалению, вам грозит серьезный тюремный срок. Как минимум десять лет. Не думаю, что тюрьма – подходящее для вас место.

М: Вот оно что... (Подследственный заплакал.) Но я не могу сидеть... это же уже много лет...

ЙС: И боюсь, вы попадете в Кумлу, самую крутую тюрьму в Швеции... сами понимаете, что там может произойти. Это не место для интеллигентных людей.

М: Но... (Невнятно.)

ЙС: Я вас понимаю. Это нелегко. Подождите, я схожу за салфетками.

М: (Невнятно.)

ЙС: Прошу вас.

М: Спасибо. (Всхлипывает.)

ЙС: Я, как уже сказал, прекрасно вас понимаю. Но мне нужна ясность. Поэтому у меня к вам есть предложение.

М: Все что хотите.

ЙС: Все очень просто. Мы понимаем, что у вас широкие контакты с людьми, которые нас интересуют. Не просто понимаем. Знаем. И я хочу знать про них все. И про вас. Все, чем вы занимаетесь. И если вы хотите мне помочь, могу обещать – никаких допросов, записей, обвинителей и адвокатов. Ваше имя вообще не появится в деле. Мало того...

М: А вы меня отпустите?

ЙС: Если вы согласны на мое предложение, я вас отпущу и не стану давать делу ход. Мы заключим договор... поняли?

М: Не знаю... какой договор?

ЙС: Что ж, подумайте. У вас две альтернативы. Либо – десять лет в Кумле, либо – мое предложение... Доверительные беседы. Время от времени.

М: Это очень опасно. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

ЙС: Могу представить. Но вы же не из этих, вы же нормальный человек. И если вы согласитесь на мое предложение... в любом случае это ваше решение. Ваше – и ничье больше. Я не могу и не хочу принуждать вас к сотрудничеству. С другой стороны – могу дать вам необходимые гарантии.

М: А мои дети?

ЙС: Послушайте, все, что вы скажете, послужит только как база фактов для дальнейшего расследования. Вам не придется свидетельствовать. Вообще не придется светиться. Будете работать под кодовым именем «Марина», про эту кличку никто, кроме меня, знать не будет. Стопроцентная секретность. И вам не надо беспокоиться ни за себя, ни за детей... Хорошо, сделаем так: я выйду, а вы посидите и подумайте.

М: Да... есть над чем подумать.

ЙС: Только помните: десять лет в Кумле. Или несколько дружеских бесед с вашим покорным слугой. Выбор ваш.

2

Они расположились в приемной на обитых бархатом диванах и в креслах. Кое-кого из юристов Эмили давно знала. С некоторыми училась, других встречала на курсах. Один парень вообще работал в том же бюро, что и она.

Болтали о разных пустяках, но напряжение и нервозность не отпускали. Ничего удивительного: время от времени одного из них вызывали к экзаменаторам. На столике в конце коридора лежали маленькие пластиковые пакеты, и вызванные покорно оставляли в них мобильники. Дозволялись только бумага, ручка и папка с разрешенными справочными материалами.

Скоро и ее вызовут. Устный экзамен. Сдашь – годишься в адвокаты. Все годы учения – более или менее извилистая тропинка к этому моменту. Двенадцать лет в школе и гимназии, потом год в Париже. Там-то она, конечно, в основном пиновала, но была и польза: научилась бегло говорить по-французски. Потом три с половиной года юридического образования, кандидатский экзамен. Все это завершилось работой помощника юриста в адвокатском бюро «Лейонс»³. Три года в пасти льва. За это время прошла курсы этики и профессионального урегулирования при коллегии адвокатов, собрала всевозможные рекомендации, которые только могли пригодиться. Большая разница с другими профессиями. Ищешь работу – дай телефоны и адреса пары шефов, которым ты, по твоему мнению, понравилась. Но у юристов сложнее: коллегия требует имена и адреса ВСЕХ юристов и судей, с которыми ты сталкивалась во время работы. Плюс подробный отчет, при каких обстоятельствах ты с ними работала. У Эмили список не особо длинный – все дела, в которых она принимала участие, вели совладельцы «Лейонс». Но все равно набралось больше двадцати человек.

И наверняка мэтры из адвокатской коллегии звонили каждому из них – какова их точка зрения. Заслуживает ли эта девица быть принятой в их святое сообщество.

Сегодня – решающий тест. Окончательный. Сдаст – все остальное чистая формальность. Совсем немного времени – и она получит право называть себя адвокатом.

– Эмили Янссон!

Вот и настал ее час.

Экзаменатор протянул ей обычный лист А4 с текстом. За двадцать минут надо обдумать вопросы, подготовиться к презентации и вопросам экзаменатора.

Ее провели в отдельную комнату с зелеными обоями, совершенно пустую, если не считать письменного стола и стула. На стене – офорт, изображающий старинный суд: парики и все такое. Она пробежала глазами первый вопрос.

Вопрос А

Обдумайте этические и профессионально-технические противоречия, обнаруженные в следующем случае.

Английский бизнесмен мистер Шеффилд обратился в адвокатское бюро «Випс» за юридической помощью в приобретении комплекса недвижимости в Гётеборге.

Мистер Шеффилд рассказал адвокату Миа Мартинссон, что около десяти лет назад уже обращался в их фирму. Он имел дело с тогдашним владельцем Сюне Стормом, который оказал ему серьезную помощь в очень запутанном деле. Мистер Шеффилд подчеркнул, что считает

³ Lejon (шв.) – лев.

себя постоянным клиентом адвокатского бюро «Випс» и ожидает соответствующего внимания к его делу.

После нескольких недель переписки с мистером Шеффилдом Миа Мартинссон засомневалась: что представляет собой мистер Шеффилд? Он не захотел прибегать к кредитному финансированию покупки и предложил перевести всю сумму, 220 миллионов крон, на клиентский депозит в адвокатском бюро. Перевод был осуществлен не со счета мистера Шеффилда в Великобритании, а со счета некоей компании на Вирджинских островах.

Эмили подчеркнула несколько слов и потянулась было за папкой со справочными материалами, но рука застыла на полдороге.

Прежде чем искать параграфы и преюдики, надо порассуждать. Вдуматься в вопросы. Поискать этические ловушки.

Разве не должен адвокат узнать как можно больше о своем клиенте? Снять копию с паспорта, проверить, не служит ли сделка противозаконным интересам? И разве может считаться постоянным клиентом человек, обратившийся в бюро всего один раз, к тому же десять лет назад? Когда возникли отношения «адвокат – постоянный клиент» и возникли ли вообще? И как быть с правилами финансовой инспекции, препятствующими отмыванию денег?

Она открыла лежащий на столе пустой блокнот и начала делать заметки.

В дверь постучали – пора. Двадцать минут прошли быстрее, чем она думала. Она успела более или менее обдумать ответы. Помимо случая с мистером Шеффилдом и Миа Мартинссон, было еще четыре примера. Общность интересов сотрудников адвокатского бюро, опрос свидетелей, вопросы управления. Пристрастность и как ее избежать.

Экзаменатор – адвокат лет шестидесяти с неправдоподобно тщательно подстриженными и по волоску расчесанными усами. И женщина, член комиссии, лет на десять моложе, но пытающаяся выглядеть на двадцать. Одеты строго: он в темно-синем костюме с галстуком, она тоже в темном, но винно-красном платье.

– Итак, начнем с Миа Мартинссон, – без улыбки, но добродушно сказал экзаменатор. – Как же ей следует действовать?

Это было две недели назад.

А сегодня Эмили ждет работа, но сосредоточиться невозможно. Почему они молчат? Зазвонил телефон, она схватила трубку.

– Привет, это мама.

– Привет.

– Как дела?

– Я думала, это оттуда звонят. Сегодня должны сказать.

– Что? Что-то по работе?

– Можно и так сказать. Сдала ли я экзамен. Если да, то я адвокат.

– Как здорово, поздравляю. А зарплату повысят?

– Я же сказала – ответа пока нет. А насчет зарплат... вряд ли. В этом бюро – вряд ли. Но практически это значит очень много. Я могу быть самостоятельным адвокатом в суде. Не помощником адвоката, а адвокатом. С точки зрения денег... значение символическое. Но мне важно, что я окончательно оперилась.

– Конечно, конечно... очень интересно.

Голос матери звучал как-то отсутствующе, и Эмили поняла: что-то не так.

– А у тебя как дела?

– Так себе... – светские интонации исчезли. – Я не видела отца уже три дня.

– Как раньше?

– Пожалуй... да, как раньше. Ночью куда-то ушел и не вернулся. Ты не могла бы к нам заглянуть в выходные?

– К *вам*?

– Ну да, к нам.

– И папа будет?

Мать внезапно замолчала.

Так было всегда. Пока она росла и взрослела, у отца все время были проблемы с алкоголем. Запой. Она поняла это, только когда стала жить самостоятельно, поступила в Стокгольмский университет и научилась думать и анализировать.

Но она представляла, что может выкинуть отец.

Представляла, что может выкинуть она сама в критической ситуации.

Но в бюро об этом ни под каким видом знать не должны.

Эмили повесила трубку. Посмотрела в круглое зеркало на торце книжных стеллажей. Темно-русые волосы с пробором зачесаны за уши. Почти никакого макияжа. Точнее сказать, сегодня не «почти никакого», а никакого. Зеленые глаза все равно кажутся огромными.

Надо, надо съездить в Йончёпинг. Попробовать поговорить с отцом, что-то решить. Раз и навсегда.

Прошел час. Дверь ударом распахнулась, и в кабинет влетела Йосефин. Они делили комнату, хотя Йосефин была старшим юристом, к тому же приглашенным, и ей полагалось отдельное помещение.

Эмили вообще-то нравилось, что у нее есть соседка, хотя Йосефин говорила раз в семь больше о своей маникюрше на Сибиллегатан или распродаже на сайте *Net-a-Porter*, чем о насущных делах. По какой-то причине она никогда не входила нормально, всегда влетала, точно спотыкалась перед самым порогом, – и одно это служило поводом хотя бы раз в день посмеяться от души.

– Пиппа! – заорала она, едва закрыв дверь. – По физиономии вижу: у тебя какая-то радость. Физиономия серьезная, а на щеках ямочки. Выкладывай! Позвонили, что ли?

Эмили кивнула. Пять минут назад, наконец-то! Пять минут назад позвонили из канцелярии и сообщили: она зачислена в адвокатскую коллегию.

Звание получено. Конец долгому путешествию. Даже не путешествию, а восхождению на Эверест.

– Поздравляю, Пиппа! Ты теперь АД-ВО-КАТ! Надо отметить бокалом «Боланже»⁴ вечером.

Йоссан постоянно называла Эмили Пиппой. Она была твердо уверена, что ее подруга – вылитая Пиппа Миддлтон⁵.

– Ты же знаешь, как говорит мой любимый писатель? Разделенная радость приумножается.

– Где ты взяла эту банальность?

– Это никакая не банальность. Это сказал самый умный человек в мире, Паоло Коэльо. – Йоссан подмигнула и начала подробно рассказывать о писателе, перевернувшем ее мир. Он, оказывается, помог ей найти себя, теперь она находит радость даже в неудачах, осознает свое духовное Я и полностью отказалась от материалистической жизненной позиции.

Эмили показала на три сумочки, аккуратно повешенные на крюк у входа. «Селин», «Шанель», «Живанши».

⁴ *Bollinger*, дорогой сорт шампанского.

⁵ Британская светская львица, младшая сестра Кэтрин, герцогини Кембриджской.

– А как быть с этим?

Йоссан ласково провела рукой по матовой коже ближайшей сумки.

– Никакого материализма. Надо же женщине в чем-то носить свои вещи.

Половина восьмого. По дороге в «Риш» Эмили закурила. Там уже ждали Йоссан и еще несколько девушек из бюро, сгорающих от нетерпения обмыть ее новое звание. Наверняка заказали фаршированные мидии.

Остановилась и засомневалась. Есть ли у нее время на эти глупости? Она последнее время работала как сумасшедшая. Разделка акционерного общества «Хусгрэн» – рентабельные подразделения собрался купить китайский промышленный конгломерат, а об убыточных должны позаботиться перспективные фонды группы EQT. Для нее это означало четырнадцатичасовые переговоры три недели кряду. Но это еще не все. Продажа «Эйрборн Лоджистик» очередному американскому промышленному гиганту. Восемнадцатичасовые заседания, даже в воскресенье. Работала целая группа юристов, но она была за главную. Воздух в переговорной был такой, что она по вечерам раздавала команде таблетки альведона⁶.

Звонок. Она посмотрела на дисплей – номер неизвестен.

– Эмили.

– Добрый вечер. Инспектор уголовного розыска Юхан Кулльман. Я говорю с адвокатом Эмили Янссон?

Адвокат Эмили Янссон. Звучит неплохо. Но что у нее общего с уголовной полицией?

– Да, это я. А в чем дело?

– Я звоню из шестого отдела следственного изолятора в Крунуберге. Один из подозреваемых пожелал, чтобы вы были его адвокатом.

– То есть один из арестованных выразил желание, чтобы я его защищала? У меня есть простой вопрос: я правильно вас поняла?

– Ответ: правильно.

– В это время дня?

– Это его право. Право выбрать адвоката. И он выбрал именно вас. А наша обязанность проверить, согласны вы или нет.

– Но я не занимаюсь уголовными делами.

– А вот этого я не знаю и не могу знать. Мне только известно, что подозреваемый назвал вашу фамилию.

– Почему? С какого перепугу?

– Боюсь, на этот вопрос мне трудно ответить. Он без сознания... более или менее. Попал в автокатастрофу.

Эмили сделала последнюю затяжку. Она уже стояла у дверей «Риша». Заглянула в окно. Там, внутри, все выглядело роскошно. И, главное, уютно.

⁶ Парацетамол.

3

Он сидел в машине с пяти утра. Жевал жвачку с ксилитолом, сунув под верхнюю губу пакетик снюса «Генерал». Ждал, пока появится Фредрик Маклауд.

Человек, за которым он следил, сегодня вел себя необычно.

И как же все будет? Работенка мерзкая – надывать что-то весомое на Маклауда, ущучить его и самому не подставиться... Мерзкая, но законная. Что бы ни случилось, он решил твердо: всё. Пора начинать новую жизнь. Только не снова на нары.

Выковырял из круглой коробочки новый пакетик снюса. Снюс и жвачка: он с ними не расставался. Снюс слишком терпкий, надо его чем-то смягчить. Избавиться от горечи во рту.

Банергатам майским утром – не самое интересное место на планете. С пяти до семи утра тут вообще никого нет, будто все эти помпезные дома нежилые. Год назад он уже был здесь по другим делам... довольно скверное начало жизни для только что отсидевшего срок человека. Но сейчас та история вспоминалась как очень далекая, почти нереальная; он, Тедди, уже полтора года на свободе.

Первыми, как всегда, появляются собачники. Господа в шляпах и зеленых плащах терпеливо ждут, пока их таксы пописают у ближайшего столба. Молодые женщины в сникерсах и легких пуховиках изящно наклоняются и подбирают кучки своих любимцев. Добродушный голден⁷ на газоне выгнул спину и виновато покосился на Тедди – дескать, что я могу сделать? Другого выхода нет. Такова собачья жизнь.

Хозяйка нагнулась, ловко подхватила какашки в пакетик и двинулась в сторону моста на Юргорден.

Без четверти восемь появились мужчины и женщины в деловых костюмах. Неторопливо вышагивали к своим «ягуарам» и «ауди» на парковке, хотя многие предпочитали идти пешком. Еще через четверть часа высыпали дети – спешили в школу. Некоторых уже поджидали такси. Причем не обычные тачки «Стокгольм» с климатически нейтральными «Вольво», и не «Курьер» с экологически сертифицированными гибридами «Тойота Приус». Нет, какие-то другие, неизвестные Тедди фирмы. Разговоры о таких фирмах, впрочем, он слышал, но как они называются, чем занимаются и кого возят, – понятия не имел. Машины заказаны заранее, через какие-то особые аппы, и оплачены тоже заранее – все через Интернет.

На верхнем этаже, в трехсотметровой только что отремонтированной квартире живет семья Фредрика Маклауда. За последние годы взвился на деловом небосклоне как комета.

Но, возможно, комета на излете. Если Тедди справится с работой – наверняка на излете.

Он появился в десять часов. Фредрик Маклауд. Но не в костюме и галстук, как можно было бы ожидать от миллиардера и финансового воротилы, кем он, собственно, и был.

Мешковатые тренировочные штаны и тенниска с эмблемой яхт-клуба.

Тедди сразу увидел: что-то не так. Фредрик вел себя необычно. Прежде чем перейти на противоположную сторону улицы, он несколько секунд стоял неподвижно. Потом все же решился, пересек улицу и двинулся вниз по Риддаргатам. Но и там – каждые сто метров останавливался и оглядывался.

Тедди вышел из машины как раз в тот момент, когда объект наблюдения проходил мимо. Пошел к парковочному автомату, вставил карточку и начал нажимать кнопки, боковым зрением не выпуская из виду Маклауда.

⁷ Голден-ретривер – мохнатый кузен лабрадора, отличается спокойным и веселым характером и преданностью. Окрас – от белого до темно-золотистого.

«Заплатите мобильным телефоном», – выскочила надпись.

Тедди чертыхнулся. В следующий раз велосипед надо брать.

Выждав немного, он пошел за Маклаудом. Как только тот убавлял шаг, Тедди доставал свой мобильник и делал вид, что пишет эсэмэску.

Что ж, теперь у него такая работа. Предложение адвокатуры «Лейонс», вернее, одного из совладельцев «Лейонс», Магнуса Хассела, с которым он был давно знаком. Конечно, его не зачислили на работу в бюро, это было бы чересчур, сказал Магнус.

Но у «Лейонс» было дочернее предприятие, контора по комплектованию кадров, как они ее называли. Акционерное общество «Лейонс – юридические услуги». И эта контора имела право приглашать на работу фрилансеров.

Платили неплохо, даже щедро. Предоставили машину. Мало того, позаботились оформить кредитную карточку «Виза», хотя его декларированные доходы за последние десять лет сильно недотягивали до прожиточного минимума.

Задание простое – так называемая *PDD. Personal Due Diligence*. Тщательная проверка личности.

Фредрик Маклауд – один из основателей «Супериа», сетевой платежной системы, которая за последние годы выросла невероятно. Если верить Магнусу Хасселу, компания стоила, как он сказал, «больше *ярда*, причем в евро».

Один из клиентов бюро хотел приобрести двадцать процентов «Супериа». Фишка Магнуса Хассела заключалась в том, что ходили упорные слухи: Маклауд – кокаинист. И речь шла не об одной-другой щепотке на вечеринке пару раз в месяц, нет. Серьезная зависимость. Говорили, что он даже утреннее совещание не может провести без пары понюшек.

Тедди вел его уже три недели, но ничего подозрительного не обнаружил. Либо у парня дома целый ларь с порошком, либо ему доставляют кокс каким-то пока неясным для Тедди способом. И вполне возможно, что его зависимость – всего лишь слухи. Или сильно преувеличена. Слухи есть слухи. Часто их вбрасывают специально, если надо кого-то укоротить.

Но именно сегодня Тедди взял след. Теперь важно, чтобы ничто не пошло наперекосяк.

Объект наблюдения свернул на Ньюбругатан и двинулся в сторону Биргер Ярлсгатан. Если бы Маклауд действовал похитрее, вести его было бы непросто; он, конечно, пытался осторожничать, но так неумело, что его жесты читались, как комикс. Прежде чем остановиться и оглядеться, он за несколько секунд замедлял шаг – медленнее, еще медленнее, сейчас остановится... остановился. Постоял, начал оглядываться – направо, налево, назад. Никаких затруднений.

На углу Ньюбругатан и Риддаргатан сидела попрошайка. Ее яркие многоцветные одежды составляли неприятный контраст с темным, изборожденным морщинами лицом. Она без остановки напевала какую-то печальную мелодию с непривычными, словно пришедшими с другой планеты интервалами. Интересно – когда Тедди сел, нищих в Стокгольме не было. Во всяком случае, в таком количестве. Прохожие отводили глаза, делали вид, что ее не замечают.

Адвокатское бюро «Лейонс» всего в нескольких кварталах, но Тедди вовсе не собирался туда идти. Во всяком случае, сегодня. Своей комнаты у него там не было, и слава богу. Эту работу он делал совершенно самостоятельно. Докладывал по телефону или по мейлу. К тому же ему вовсе не хотелось столкнуться там с Эмили Янссон.

Год назад они договорились поужинать вместе, причем по ее инициативе. Но потом она позвонила и отменила встречу. Назначили другой день, но она опять не смогла. Так что постепенно планы на совместный ужин поблекли и исчезли, как мыло в душе. Сегодня целая печатка, через два дня – поменьше, а через неделю – тонкая, раздражающе скользкая полупрозрачная пластинка.

Без четверти десять. Кафе пусты. Но на улицах полно народу, даже странно. Тедди не давала покоя мысль: как это так? Люди, зарабатывающие в разы больше других, люди, работающее в этом элитном квартале, где ежеминутно заключаются многомиллионные сделки, – никуда не торопятся. У некоторых рабочий день только начинается.

Мужчины в идеально пригнанных костюмах, хотя брюки у всех коротковаты. Впрочем, кто его знает, может, это новая мода. Женщины на высоких каблуках, с идеально промытыми волосами и часиками «Ролекс» в корпусе розового золота.

Тедди подумал о сестре и ее сыне, Николе. Вчера он ужинал у Линды. Волосы собраны в конский хвост, и подозрительный загар. Уж не подседала ли она на свой вечный наркотик – ежедневный солярий?

– Завтра Николу отпустят... – сказала она. – Не знаю, что и делать.

Тедди разрезал только что очищенную картофелину и щедро намазал маслом.

– Он уже взрослый. Ты за него не отвечаешь. Но с ним все будет в порядке.

– Откуда ты знаешь?

– Ничего я не знаю. Вернее, единственное, что я знаю, – ему нужна наша поддержка.

Мы должны верить в него.

Линда зачем-то разрезала свою котлету на пять идеально ровных частей. Руки уже не такие молодые.

– Он равняется на тебя... хочет стать таким, как ты. Мне остается только надеяться, что он *не* станет таким, как ты.

– Ты имеешь в виду – таким, каким я был?

Линда устала в тарелку и вздохнула.

– Если бы я знала, что я имею в виду...

Фредрик Маклауд зашел в «Эспрессо Хауз».

Тедди остановился. Что делать? Если он тоже зайдет в кафе, объект может что-то заподозрить. Фредрик наверняка приметил здорового мужика, который шел за ним довольно долго. До этого момента все было нормально – мало ли людей движутся в одном направлении. Но следовать за ним в кафе – это уже за пределами теории вероятности. Таких совпадений не бывает.

И все же зашел. Слишком уж отличалось сегодняшнее поведение объекта от стандартного.

К тому же Фредрик Маклауд был настолько занят своими мыслями, что ему, похоже, было ни до чего. Если бы сюда явилась половина Стокгольма, он, может, и не заметил бы, что в кафе есть кто-то, кроме него самого.

Тедди встал в очередь к стойке. Краем глаза заметил: Фредрик присел за столик, где уже сидел молодой человек с бутылкой кока-колы.

Под столом лежал пластиковый пакет.

Фредрик Маклауд обменялся с парнем рукопожатием. Молодой, черноглазый, темные волосы. Ветровка и тренировочные брюки «Адидас».

Тренировочные брюки... Тедди вспомнил себя в этом возрасте. Деяна замели за драку в метро. Мелочь, конечно, но Тедди с приятелями решили пойти на суд. Поддержать приятеля, а главным образом – развлечься. Делать было решительно нечего.

В перерыве к Тедди подошел адвокат Деяна.

– Уходите отсюда. Мне не нужно столько *штанов* среди публики.

– Каких штанов? – не понял Тедди.

– Вот таких. Вы все одинаковые в ваших трениках, и судья прекрасно знает, что вы за публика. Подсудимому только во вред, если поймут, что он из ваших. Уж поверьте мне, ребята.

Треники... Самое забавное, что миллиардер Фредрик Маклауд в этих трениках был больше похож на «одного из наших», чем любой «из наших».

Тедди сжимал в руке телефон. Видеозапись. Он время от времени делал вид, что прикасается к дисплею, но на самом деле глазок камеры был неотрывно направлен на столик, где сидели Маклауд и парень в таких же трениках. Эти новые мобильники... настоящее колдовство. Чудеса в решете.

Все документировать. Главная и, пожалуй, единственная инструкция, которую он получил от работодателя из «Лейонс». Все документировать. Доказательства и только доказательства, никаких догадок и предположений. Собрать доказательства и при этом не засветиться.

Процедура заняла не больше нескольких секунд. Фредрик что-то сказал, парень кивнул, Фредрик поднял пластиковый пакет, кивнул и вышел.

Тедди проводил его взглядом – тот неторопливо продефилировал мимо окна кафе. Странное зрелище: один из самых состоятельных стокгольмских бизнесменов идет по улице с мятым пакетом из супермаркета. И не только из самых состоятельных, но и самых молодых. Всего тридцать семь лет. Пусть идет. Видеозапись – вот она.

Подошла его очередь. Макадамские орехи, роуфуд, какие-то зеленые соки. В его время, до каталажки, здесь подавали нормальную выпечку – мука и сахар.

- Чем могу помочь? – спросила девушка за стойкой.
 - Можете... есть у вас обычные булочки?
 - Да, разумеется... на низкокалорийной закваске.
 - Звучит хоть и непонятно, но красиво... а не слишком ли они полезны?
- У девушки округлились глаза.

Тедди повернулся и пошел к выходу.

Пришлось прибавить шаг. В десяти метрах перед ним по Риддаргатан шел кокаинист Маклауд.

Тедди так и не мог понять, почему вся эта история так важна для Магнуса, но тот сказал недвусмысленно: нужны стопроцентные доказательства, даже если слежку придется засветить.

День на редкость погожий, солнце то и дело весело поблескивает в мансардных окнах. Адреналин пульсирует в голове, знакомый холодок в низу живота.

Он подошел к женщине у парковочного автомата – та мучительно соображала, какой апп ей следует открыть, чтобы заплатить за парковку.

- Извините за беспокойство... Могу я попросить вас об услуге?

Она очевидно раздражена замысловатостью процедуры. Глянула свирепо, но ответила мягко и вежливо:

- Разумеется.
- Ничего особенного, – он показал на Маклауда. – Будьте свидетелем.

Он достал трубку и включил звукозапись. Смартфон ему выдали в адвокатуре, и он на удивление быстро освоился с многочисленными функциями, хотя иногда боролся с желанием выкинуть его в воду с моста или уронить с балкона. Но, конечно, незаменимая штука. Особенно для такой работы.

Он догнал Маклауда и похлопал его по плечу.

- Извините, пожалуйста, но вы прихватили мой пакет.
- Фредрик инстинктивно спрятал руку с пакетом за спину.
- Кто вы такой? О чем вы?
 - Я потерял пакет, но вы, похоже, его нашли.

Фредрик уставился на него. Глаз задергался.

– Ты спятил? Никакой это не твой пакет. Ищи, где потерял.

– Но я могу в него заглянуть?

– Ни под каким видом.

Тедди не стал терять времени. Он схватил Фредрика за запястье, а другой рукой попытался вырвать пакет.

– Мерзавец! – Фредрик повысил голос. – Оставь в покое мой пакет.

– Я хочу только заглянуть, убедиться – мой или не мой.

Он опять ухватился за пакет и дернул за другую руку Маклауда, пытаясь вывести того из баланса.

Тедди был тяжелее и намного сильнее. Но Маклауд тоже не из хлипких. К тому же он сражался за свое дело, свою семью. За свою жизнь.

Они сцепились и, согнувшись, кружились по тротуару.

И вдруг Тедди ощутил резкую боль в руке. Он посмотрел вниз – Фредрик вцепился зубами в большой палец.

Только не кричать. Решено заранее – все должно пройти тихо.

Ему удалось указательным пальцем той же руки ткнуть Маклауда в глаз, а другой рукой сжать кадык. Было искушение рвануть что есть силы, но он сдержался – дело не должно завершиться убийством, тогда ему конец. И пакет с коксом наверняка припишут ему. Вместо этого он огромной ладонью смял физиономию противника. В тюрьме называется «смазью» – верный способ показать свое лидерство.

Наконец Фредрик отпустил палец. Зубы у него были в крови, как у вампира.

Надо как-то взять ситуацию под контроль – женщина у автомата была вне себя.

– Кончайте! Я уже вызвала полицию! – вопила она истошно.

– Ты слышал, – задыхаясь, сказал Тедди. – Я уверен, что ты не особенно расположен показать полиции, что у тебя в пакете. Так что лучше дай мне посмотреть.

В глазах Маклауда полыхнул страх. Он понял.

И неожиданно для Тедди вырвался и пустился бежать.

О, дьявол! Ведь он уже почти выиграл!

Риддаргатан, свернул на Артиллеригатан. В гору. Длинноногий, сволочь. К тому же занимается с персональным тренером трижды в неделю. В «Таккей» в «Гранд-отеле». Запретельный люкс.

Он чувствовал себя тяжелым и неловким.

Музей армии налево.

Направо – магазин бытовой электроники.

Повернул на Стургатан. Хоть персональный тренер, хоть коллективный – долго ему не выдержать.

Люди оглядывались, выкрикивали что-то нечленораздельное.

И Тедди потерял Маклауда из виду.

Куда он делся, подонок? Нарик хренов...

Он заметил патрульную машину полиции.

Стоп, стоп. Такой финал нежелателен.

Он замедлил шаг. Мало ли что – человек решил пробежаться. Экономическое ведомство налево, магазин мужской одежды – направо.

Что может вызвать интерес у снютов⁸? Бегущий человек. Как дважды два.

Он перевел дыхание, пытаясь сообразить, что делать дальше.

⁸ Жаргонное обозначение полицейских в Швеции.

Где он спрятался? Наверняка где-то здесь, в нескольких метрах от него. Может, затаился и смотрит на него. Но испариться же он не мог!

Даже оглядываться не нужно – он и так знал, что патрульная тачка медленно ползет у него за спиной.

Что-то надо делать.

До машины не больше двадцати метров. Кто-то наверняка видел, как он гнался за Маклаудом.

Тедди как можно более спокойно открыл дверь и вошел в магазин мужской одежды.

Твидовые пиджаки, вельветовые брюки, бейсболки с охотничьей символикой, сонные приказчики. Здесь почему-то даже не пахнет весной.

Он сделал несколько шагов между стендами, по-прежнему сосредоточенный на том, что происходит на улице. Будто ждал выстрела в спину.

Полицейский патруль. Кажется, проехали мимо.

Палец болел невыносимо, но он чуть не захохотал в полный голос: чуть подальше, у стенда с костюмами, спиной к нему стоял Фредрик Маклауд. С пакетом в руке. Он, очевидно, тоже заметил снютов, и ему пришла в голову та же мысль, что и Тедди. У него было еще больше причин не привлекать внимания полиции.

Тедди, как и первый раз, нежно похлопал его по плечу.

– Думаю, они проехали. Так что можем успокоиться. И ты, и я.

У Маклауда в глазах стояли слезы.

– Кто ты такой? Кто тебя нанял?

– К сожалению, – пожал плечами Тедди, – обет молчания.

4

Собеседование еще не закончилось, а Никола уже выскочил из класса. Первым. Он всегда выскакивал первым. Так было и в школе – на сетчатке застряла картина пустого коридора, граффити на шкафчиках, несколько секунд молчания, пока остальные начнут с шумом и толкотней вываливаться из класса. Никола... вечное шило в зад, никогда не хватало терпения спокойно собрать учебники и несколько секунд поболтать с товарищами – тянуло поскорее увидеть пустынный, затихший коридор. Микроскопический осколок покоя.

Но это было давно. За последние годы он успел забыть про школу.

Мама и классный руководитель иногда многозначительно выговаривали дурацкое сокращение: СДВГ. Синдром дефицита внимания и гиперактивности. Но он никогда не принимал риталин и никогда не пробовал самолечение.

Зачем? Пара джойнтов, и ты здоров. Другие так и делали.

Собственно, что ему лечить? Выплескивающуюся через край жизненную энергию? Она распирала его, эта энергия, горела в груди под золотым крестиком...

Золотой крестик – подарок Тедди. Как раз перед тем, как дядя загремел на восемь лет.

Но сегодня ему было не до этой чуши. Жизнь начиналась снова. Сегодня – последний день.

Скоро за ним приедет Хамон.

Остается только «заключительная и подводящая итоги» беседа с куратором.

Каким-то загадочным образом Андерсу Санчесу Салазару удавалось месяцами сохранять свой кабинет в одном и том же виде – столько раз Никола сюда приходил и ни разу не заметил никаких изменений.

До мелочей. Стулья для посетителей задвинуты под письменный стол ровно наполовину, шторы приспущены – тоже ровно наполовину, до сантиметра. Даже бумажки лежат там же, где всегда. Стаканчик для карандашей за дисплеем компьютера, фотографии детей – у Николы было чувство, что старший куратор никогда к ним не прикасался. Поставил много лет назад, вдумчиво выбрал место – и не трогал. Даже кофейная кружка с эмблемой футбольного клуба на том же месте – на углу стола.

Разве что сорочка на Андерсе другая. В тот раз была вишневая, а сегодня – ярко-красная.

– Ну что, Никола? Как дела?

Никола с трудом удержался, чтобы не расплыться в улыбке.

– Вообще-то хорошо.

– А не страшно покидать Спиллерсбуду? Небось, сроднился с нами за такой срок...

На этот раз Никола вообще чуть не расхохотался.

– Да, – сказал он, потупившись, чтобы Андерс не догадался, как ему весело. – Немного страшно.

– Все будет хорошо. Ты, насколько я понимаю, будешь жить у мамы?

– Обещала не выгонять. А я обещал постараться...

– А ваши отношения? Получше немного?

– Еще бы! Лучшая мама в мире.

После бесчисленных встреч с соцведьмами, ректорами, кураторами и снютами он стал экспертом среди экспертов. Не так уж трудно вычислить, что именно они хотят услышать. Труднее сказать так, чтобы поверили. Единственное, о чем он, как ни странно, не врал: и в самом деле считал, что его мать лучшая в мире.

– И еще вот что, Никола. Держись-ка ты подальше от своих старых приятелей. Хорошие ребята, я уверен, но дело не в этом. Чтобы не было осложнений. Геморроя, как вы говорите.

Хамон, как всегда, вертел в руке четки. Получил права всего три месяца назад, но «Ауди», к которому он небрежно прислонился, наверняка был еще новее. Двадцатидюймовые диски сияли, как Николин золотой крестик, когда был новым. Никола знал, что этот «А7» принадлежит двоюродному брату Хамона, но когда едешь в такое учреждение, лучше показать, кто ты такой. И что в мире есть места, где люди живут совсем иной жизнью.

– *Мехтина!* – Хамон оторвался от дорогой игрушки и ринулся навстречу.

Никола ослабилась, сунул под верхнюю губу пакетик снюса и ответил на том же языке:

– *Абри.* Поехали. И – как Златан.

Они обнялись.

Для большинства он был Нико. А близкие называли его Библиком. Или так: Человек-Библия. Потому что им казалось, что его ассирийский язык звучит как древние библейские тексты. Но все равно, библейские, не библейские, но восхищение мало кто мог унять: парень – не сириец, а говорит на их языке. А что здесь особенного? Он же вырос вместе с ними. Дед учил: надо знать обычаи людей.

– При чем тут Златан?

– Хет-трик, браток. Мне тут один чужак должок отдал – три хороших косячка. Приедем домой – и как Златан. Хет-трик.

– Что-то ты чересчур уж весел, брат. Скоро на дело, не забыл?

Никола знал, что он имеет в виду. Юсуф. Дело.

Дело для Исака. Притом непростое.

Они пошли к воротам.

Парни на лужайке посторонились. Уступили дорогу. Нормально.

– Куда ты пропал? Последняя увольнительная... я тебя даже и не повидал.

– В такой жопе увяз, что на дамском стульчаке не уместится.

– Лихо! – хохотнул Хамон.

Они уже открыли калитку. Весеннее солнце старалось изо всех сил. Светло-зеленые молодые листья похожи на листочки марихуаны. Правда, намного крупнее. Сандра сказала – каштаны.

– Черт, надо бы выложить эти листья в инсту. С комментарием: глазел на это дерево целый год. Ноги моей больше здесь не будет.

– *Инсту? У тебя? У тебя есть инстаграм?*

Никола не успел ответить.

– Можешь подойти на минутку? – голос за спиной.

Сандра. Она стояла у калитки и широко улыбалась. Странно: он только что заметил, что она, в общем, хорошенькая.

– А что?

– Мне надо поговорить с тобой... последнее, так сказать, напутствие.

– Но я же... меня же выписали! Лично Андерс меня выписал, пятнадцать минут назад. Я сам себе начальник.

– Знаю, знаю... все так. Но это важно.

Никола посмотрел на Хамона.

– Как она мне надоела...

– Что она от тебя хочет?

– Хрен ее знает.

– Сука?

– Да нет... нельзя сказать. Нормальная. Как и все они... знаешь, эта песня: мы хотим тебе самого лучшего.

– Понял... что ж, окажи ей респект. Дай понять: я, мол, свободный человек, но тебе – респект. Иди, узнай, что у нее чешется, – и вперед.

Сандра пошла к главному зданию. Никола, то и дело оглядываясь на Хамона, двинулся за ней.

Как только они вошли в холл, он сразу почувствовал: что-то не так. Облом. А что именно, сообразить не мог. Шестое чувство. Как у Человека-паука – *spiderman feeling*.

Но не бежать же! У них на него ничего нет.

Они зашли в кураторскую.

Здесь было чище и спокойнее, чем в комнатах интернов. На стене объявление: «Как вести себя в Сети. Записывайтесь на трехдневные курсы интернета!»

– Что думаешь делать? Продолжать практику? У тебя же, по-моему, телекоммуникации? Или электротехника?

– Ну.

– Скоро лето, неплохо, правда?

– Ну.

– И как?

– Что – как?

Что это еще за чирикание? Я ей что – приятель, чтобы болтать о погоде?

Нечего мне здесь делать.

Он взялся за ручку и тут же понял.

Открылась боковая дверь, и появился Симон-сука-Мюррей.

Не случайно, конечно. Сандра для того и позвала. Симон Мюррей – снют. В гражданском, но снют – вечно вынюхивал что-то, пас Николу и его приятелей. Играет в своего парня, отморозок. Останавливает их машины, заходит к родителям.

То появится около дома Хамона, то в игорном клубе, то вынырнет в «О'Лири» как черт из табакерки. Все знают, кто он такой, а ему – хоть бы хны.

Задействован в проекте «Гиппогриф – безопасный юг Стокгольма». Кто-то там сидит и придумывает названия. Придумал название для очередной компании – иди, получай бабки.

Симон поднял руку и покрутил в воздухе.

– И как дела у Николы?

Никола собезьянничал – тоже покрутил рукой. У Николы дела так, мол, как-то...

Сандра проводила их в отдельную комнату. Там на столе уже стояли кофейные кружки.

Симон прикрыл за собой дверь и уселся в кресло. Никола остался стоять. В любой момент можно повернуться и уйти. Симон не имеет права удерживать его здесь. И тем более допрашивать. О чем с ним говорить, с этим снютом?

Коротко стриженные светлые волосы, черные бутсы. Пульсометр на запястье. В меру прилегающие синие джинсы и свитерок «Джи-Стар». Прикид нормальный, но выглядит он так, как и всегда: снют. Снют до мозга костей. Что-то в его ДНК, должно быть. Никола не мог взять в толк, как ему дали эту работу. Ходил бы в форме, и нормалек. И то были бы сомнения – снют или нет. А так – за версту видно.

– Еще несколько вопросов, Никола, если не возражаешь.

– Возражаю. Я сегодня освободился.

– Слышал от Сандры. Ждешь поздравлений?

– Говори, что хочешь.

– Не переживай, Нико, ничего особенного. Пять минут. Можешь меня выслушать?

- Все вы змеи...
- Так ненавидишь полицию?
- Пока хороших не встречал.
- Очень жаль... ты меня огорчаешь. Я, во всяком случае, зла тебе не желаю. Честно.
- Хватит ля-ля. Ты что, задержать меня собрался?

Никола лихорадочно припоминал – что за ним? Переправил краденые компьютеры... но это еще до посадки. А здесь... ну этот, который чуть не описался, покорно заплатил десять кусков... хотел стать старшим по коридору. Но он вряд ли настучал. Потом... тогда в лесу, когда у Хамона крыша поехала. Он застрелил парня. Но какого черта – это было больше года назад. Не может быть, чтобы вдруг всплыло.

- Я не собираюсь тебя задерживать. Хочу задать вопрос.

Никола хотел было повернуться и уйти, но вспомнил наставления Юсуфа: иногда полезно послушать вопросы снютов. Можно догадаться, куда они клонят и что им известно.

- Насчет этого суда... Тебя пригласили?

У него похолодело в животе. Откуда он знает? Откуда Симон Мюррей знает про *дело*? Ничто не должно было просочиться. Приоритетное дело. Уровень Исака и все такое.

- О чем ты? Что мне делать в суде?

– Нет-нет... я думал, ты в курсе. Ты же по-прежнему контактишь и с Хамоном, и с Юсуфом. Метим Тасдемир и семья Бар-Сауме что-то там не поделили. Это-то ты знаешь?

- Понятия не имею, о чем ты жужжишь.

- Вот как... значит, ничего не знаешь?

- Я же сказал – понятия не имею. У тебя со слухом проблемы?

– Успокойся, Нико... хамить не обязательно. Я же сказал – ты свободен. Для задержания повода нет. Только вот что... я бы мог сказать Хамону, только того еще труднее заставить слушать...

Симон встал и подошел вплотную к Николе – лицом к лицу. Маленькие, стального цвета глаза.

– Вам, ни тому, ни другому, нечего там делать. Вы еще сопляки, а такие разборки сплошь и рядом кончаются плохо. Мне неизвестно, где ваши паханы собираются, даже не знаю точно, кто именно... но держитесь подальше, Никола. Очень тебя прошу – не ходите.

Никола взялся за ручку. Сколько можно слушать это занудство?

– И еще одно... знаю, что вечером вы будете отмечать твою свободу... Не делайте глупостей. Ты же не хочешь сюда возвращаться?

Гнусавый голос Кендрика Ламара. Хамон повернул регулятор громкости до отказа и постукивал пальцами по баранке. Никола сидел рядом, втайне восхищаясь интерьером «Ауди». А какая кожа!

- Что так долго?

- Бред. *Bullshit*⁹.

- Проблемы?

- Никаких проблем.

Хамон улыбнулся.

– У меня на тебя планы на сегодняшний вечер. Человек на свободе... надо отметить. Со спецэффектами, если можно так сказать.

- Звучит круто.

- Увидишь, брат, увидишь. Все уже на мази.

Полицейское управление Стокгольма

⁹ Чушь, вздор (*англ.*).

Беседа с информатором «Мариной», 11 декабря 2010 года
Вел беседу Йоаким Сунден
Место: Эльвшё-центр

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА 2 (Часть 1)

Запись беседы

ЙС: Вам лучше?

М: Еще бы... Спасибо, что отпустили. Эти сутки... наверное, у меня в жизни ничего хуже не было. Столько воспоминаний...

ЙС: Кто-нибудь спрашивал, где вы пропадали?

М: Нет.

ЙС: А Себбе?

М: Мы не разговаривали. Думаю, он ушел на дно.

ЙС: Я понимаю. Я обещал вам иммунитет, а вы в обмен обещали ничего не скрывать. Поэтому имейте в виду: мне нужны детали, даже мельчайшие. И ваши впечатления, рассуждения и размышления. Это вам понятно?

М: Да. Я подумал, что вам сказать.

ЙС: Вот и хорошо. И давайте сделаем вот как: для начала вы подробно расскажете о себе. Подробно, с деталями – обзор вашей жизни.

М: Хорошо. Я так и знал, что вы об этом спросите. Дело в том, что я всегда любил игры. Еще в гимназии. Началось все с нард. Мы с приятелями после школы заходили в кафе и играли, больше для баловства. Кидали кости и старались понять, как оптимально распорядиться выпавшим числом. Ребята мы были ушлые, все с математическим уклоном. Я шел по естественнонаучной линии – теория вероятности, дифференциальные уравнения и все такое, так что мне было сравнительно нетрудно углубиться в механизм игры. Потом стали приезжать иранцы, турки, люди с Ближнего Востока. Нарды у них – национальная забава, «шеш-беш», как они их там называют. Они были уверены, что легко справятся с самоуверенными стокгольмскими мальчишками. Ну, мы им и показали.

ЙС: Когда это было?

М: В середине восьмидесятых. Я учился в гимназии. Прошел военную службу в Берге, а потом несколько лет помогал отцу – у него была небольшая типография. В двадцать три поступил в Стокгольмский университет и тогда же, в 1990-м, встретил Сесилию, мою будущую жену. Через три года родился первый ребенок, мне тогда было двадцать семь. Закончил университет. Все эти годы я сторонился серьезной игры, хотя изредка все же встречался со старыми приятелями.

Потом начал работать в аудиторской фирме KPMG... думаю, в девяносто пятом. Там познакомился с парнем. Он увлекался не только нардами, но и покером. Пригласил меня в клуб на Санкт-Эриксплане. Интересное заведение – игра там шла круглосуточно. Я начал туда заходить. Уложу ребенка – и в клуб. Иногда по выходным. Покер... динамичная, креативная среда, если бы, конечно, не зависимость. Я имею в виду то, что мы называем «подсел». Одержимость игрой.

ЙС: А что по этому поводу говорила Сесилия?

М: Я и не скрывал, что захожу в этот клуб. Может быть, не каждый раз, но в основном не скрывал. Она особенно не возражала – мало ли какое хобби бывает у мужчин. Но со мной не ходила.

Были и другие клубы. «Карлос Покер» в Сундбюберге, «Пот Райзер» на Фолькунгаган. Иногда удавалось прилично выиграть, хотя я избегал крупных ставок. Один раз пришел домой с десятью тысячами, даже больше. Аккуратно сложил в стопку и оставил в кухне, на видном месте. Думаю – проснется утром жена, первое, что увидит, – деньги.

ЙС: А ей не показалось странным?

М: В первый раз – возможно. Но в основном она считала это забавным. И потом, такие суммы – редкость. Так что поначалу не было никаких проблем. Но потом... потом все изменилось.

В начале 2002 года я сыграл первую партию в покер в интернете. Это было откровение. Теперь я играл, как хотел. Постепенно ширина полосы увеличивалась, я купил компьютер помощнее, так что мог вполне устраивать, так сказать, сеанс одновременной игры – сразу на нескольких сайтах. Пять или шесть столов. И не только дома – на работе тоже был компьютер. Сесилия была довольна – я, по крайней мере, перестал ходить в эти «гнезда разврата», как она в шутку называла игорные клубы. Но она даже не представляла, что я делаю на служебном компе! Виртуальный покер отличается от реального. Быстрее и агрессивнее, к тому же психология вроде бы отменяется. Чистая математика. Все определяет качество твоей игры. Никаких этих идиотских покерфейсов и тому подобной чуши. Все определяется качеством игры и расчетом. Для меня это большое преимущество. Я многому научился. Потом, в клубах, мне эти навыки оченьгодились. Еще как...

Следующий год... я его так и называл – «золотая эпоха». Появилось много игроков, но хороших – по пальцам сосчитать. Сетевой покер рос как на дрожжах. В стокахгольмских клубах можно было неплохо порезвиться. «Техас Голд», «Пот Лимит Омаха»... как-то за одну ночь я срубил пятнадцать тысяч евро. Но надо понимать, что на том уровне, на котором играл я, требовался приличный счет в банке. В клубах у меня, конечно, был кредит, но и они начинали коситься, когда я проигрывал несколько тысяч евро. Бывало и такое. А в сетевом покере никаких кредитов – играй на то, что у тебя есть. Кончились бабки – кончилась игра. Сплошные нервы, к тому же не хотелось портить отношения с клубами. И я начал искать спонсора. Финансиста. Наконец мне посоветовали обратиться к одному парню.

ЙС: К кому? Что за парень?

М: Себбе. Мне посоветовали обратиться к Себбе.

ЙС: Этот, из Старого города?

М: Да. Себбе предложил быть моим *стайкером*. Финансировать, короче, игру. Договор вот какой: он оплачивает все мои взносы, участие в турнирах, предоставляет кредит два миллиона крон. За это он получает шестьдесят процентов моих выигрышей. Клубы сразу повысили мою кредитоспособность до миллиона, а когда этого не хватало, я шел к одному из помощников Себбе, Максиму, и получал кэш. Они мне верили. Я отчитывался скрупулезнейшим образом.

ЙС: И что вы делали с выигранными деньгами?

М: Выплачивал займ на квартиру... и все такое. Но уже в 2005 году все покатилося под откос. Игра, как говорят, не пошла. Не знаю почему, но догадываюсь. Появились ребята, которые учились покеру на компьютере. С самого начала, с программного кода.

Посыпались проигрыши. Чтобы как-то компенсировать потери, я был вынужден проводить в клубах ночи напролет или оставаться на работе и сидеть на игровых сайтах. Сесилия, само собой, начала беспокоиться. Я по утрам глаза не мог продрать, все легло на нее – и детей в садик отвезти, и завтрак приготовить, и все такое.

Помню, как-то утром она, пока дети завтракали, подошла, потрясла за плечо и села на край постели.

– Матс, что происходит? Расскажи.

Я что-то пробормотал. Голова чугунная – спал часа четыре, не больше.

– Нет, так не пойдет. Расскажи, я должна знать.

Я повернулся, постарался проснуться.

– Я же тебе говорил: на работе дел – выше головы. Прости, дорогая. В ближайшие дни постараюсь сбавить обороты.

Она погладила меня по щеке. А я, полусонный, с затуманенной головой, дал себе обещание как-то разрулить ситуацию. И ведь мог бы, мог бы, если бы в тот момент завязал. Конечно, карточные долги остались бы... с этим можно жить. Но я перегнул палку.

ЙС: В каком смысле?

М: Занесся. Полез отыгрываться. Результат? Долги, которые вообще нечем покрывать. Теоретически – банкротство.

И тут... я знал, что Себбе улетел в Макао. Это было в начале апреля. И я пошел к Максиму и взял у него лимон. Вы поняли?

ЙС: Не совсем. Объясните.

М: Что тут понимать? У меня уже не было кредита у Себбе. Но я сказал Максиму, что договорился с Себбе, все нормально. Сунул миллион в сумку и пошел в клуб. Максим мне поверил... Короче, я кинул Себбе. И, конечно, по закону подлости... в ту же ночь лимон улетел. Какой же я идиот! Тогда все и началось.

ЙС: Рассказывайте.

М: Но... так много всего... вам нужны подробности?

ЙС: А вы их помните?

М: Память у меня, слава богу... беспаятным в покере делать нечего. Могу воспроизвести любой разговор, каждое слово.

ЙС: Вот и отлично. Мне нужны все подробности. Все, что вы можете вспомнить.

М: Ну, хорошо. Через две недели позвонил Себбе. Он вернулся. Сказал, надо встретиться. Я прибирался после ужина, но он через пять минут позвонил опять. Оказывается, он ждет у подъезда в машине.

– Спускайся немедленно.

«Порше-911», «Каррера». Я думал, он посадит меня рядом, но там развалился Максим. Помню, Себбе опустил стекло и говорит: полезай назад, там хватит места, если ноги подобрать. Проехали туннель под Сёдермальмом. Я что-то там вякал, что-то насчет предстоящих турниров, но они молчали, как в рот воды набрали. Свернули на Гульмаршплан, а оттуда на стройку в южной гавани Хаммарбю. Подъемные краны, цементные блоки

для нулевого цикла – тогда только начиналась эта стройка, теперь там новый шикарный район... ну, вы знаете. Себбе остановил машину за пирамидой строительных бендежек и выключил мотор. Автоматически зажглись лампы в салоне. Я посмотрел на него и сразу понял – дело плохо.

– Сучонок, – прошипел он.

Я не знал, что сказать. В то время я жил совершенно обычной жизнью, сотни тысяч крон в клубах и на сайтах как бы проходили мимо сознания, не особенно меня волновали. Я ощущал себя всесильным. Мог проигрывать огромные суммы и приходил домой как ни в чем не бывало. Представьте, только в этот момент я сообразил, что зашел слишком далеко. Почувствовал себя насекомым. Мухой под мухобойкой.

Себбе ухватил меня за шею и почти прижал мое лицо к своему.

– Смотри мне в глаза, поганец.

Я успел только заметить блик света на металле. Это был нож, вы понимаете? Нож! Он поднес его к моему глазу. Я зажмурился. Странно, но в тот момент я подумал: а как же футбольный турнир моего сына в выходные? Я же должен отвезти его на стадион в субботу утром... первый матч.

– Ты кем себя вообразил?

Острые коснулось моего века... чувство такое, будто это не веко, а мозг.

– Я могу объяснить, – пролепетал я. – Мне очень жаль...

– У меня за спиной? Ты думал, мы с Максимом не общаемся? Или что ты думал, таракан?

Он чувствительно кольнул ножом веко и повернулся к Максиму.

– Отсюда прямо на рекондицию. Придется отмывать тачку.

Боль в глазу становилась нестерпимой, в голове точно бомба взорвалась.

Себбе пригнулся еще ближе, чуть не коснулся носом. Я знал этот запах: сигареты L&M и свирепый одеколон «Арамис».

– Ладно, так и быть, дам тебе еще один шанс. Скажи спасибо, сердце у меня доброе. Две недели, чтобы вернуть мне бабки. Мне насрать, где ты их надыбаешь. Выиграй в покер, ограбь банк, гони жену на панель. Но деньги должны быть у меня. Три лимона.

– Но это же невозможно...

– Только не начинай. Две недели, Матс...

Информатор разрыдался. Остальная часть памятной записки представлена в отдельном документе.

5

Разговор с инспектором угрозыска лишил Эмили всяких надежд выспаться. Взволновал ее куда больше, чем она ожидала. И не только это. Надо быть честной. С собой, по крайней мере. Еще и этот... *идиот*.

Так и не смогла заставить себя расслабиться в «Рише», а надо было – повод значительный. Звание адвоката. Отпила пару плотков шампанского, поблагодарила всех, кто пришел, кто о ней думает, сослалась на срочное дело и ушла, не заботясь, поверили ей или нет.

Надо вернуться в «Лейонс».

Никаких срочных дел у нее не было. Она сидела за письменным столом и не могла ни о чем думать. Только о странной истории, которую поведал ей инспектор.

В половине одиннадцатого пошла домой.

Молодой парень подозревается в убийстве, лежит без сознания. Что-то вроде комы. И ни с того ни с сего потребовал, чтобы она была его адвокатом. Никогда в жизни Эмили не занималась уголовными делами. Ни опыта, ни знаний.

Она попросила инспектора дать ей подумать.

– Мне нужен ваш ответ завтра, не позже восьми утра, – сказал Юхан Кульман и пояснил: – Подозреваемый без сознания, но он не на респираторе, так что иногда с ним можно поговорить. В минуты просветления. И вчера он сказал совершенно ясно: я хочу, чтобы Эмили Янссон представляла меня в суде. Я поговорил с прокурором Рёлен, и мы оба считаем своим долгом выполнить его желание. Кома комой, но у нас нет оснований считать, что он бредит... Нам надо срочно провести допрос подозреваемого – понятно. Без адвоката не имеем права – тоже понятно. Все просто. У вас несколько часов, чтобы подумать, – заключил Кульман.

И о чем тут думать? Ответ ясен: нет. Во-первых, будет возражать ее контора. Во-вторых... почему бы ей сразу не ответить: меня не интересует эта работа.

Все так... но она никак не могла додумать мысль до конца.

И вот на тебе: не ночь, а кошмар. Жеванные простыни, немотивированный гнев на неплотные жалюзи, раздражающая музыка неизвестно у кого.

Инспектор Кульман. Ну, нет, не только инспектор Кульман. Не только его странное предложение. Ее сосед. *Идиот*.

И музыка известно у кого. У идиота в соседней квартире. Не в первый раз. Вильяму двадцать три, коммивояжер или что-то в этом роде. С ума сходит от Авичи и Келвина Харриса. И только на максимальной громкости. И желательно – среди ночи. И как назло – его гостиная через стенку от ее спальни.

Колонки грохочут дважды в неделю. С тех пор как он переехал, она вывела среднюю цифру: дважды в неделю. Именно ночью. В лучшем случае рано утром. Идиоту неизвестно, что некоторым надо выспаться и утром идти на работу. Эмили уже заходила к нему. Четыре раза. И днем, когда встречались, – он каждый раз обещал исправиться.

Она мучительно старалась уснуть. Вспоминала годы учения в юридическом. Мысль была поначалу вот такая: помогать людям. Но постепенно выветрилась. И не только у нее: все ее сокурсники прошли ту же эволюцию. Никому не нужны адвокаты-защитники. Грязная работа. Требовались юристы, обеспечивающие финансовые транзакции. Смазка для колесиков большого бизнеса. Никто не говорил о людях. Никто не говорил, что хочет защищать кого-то в суде. И самое главное – работу в адвокатских бюро, занимающихся именно адвокатурой, защитой обвиняемых, получить почти невозможно. Таких бюро очень мало.

К концу курса и для Эмили, и для ее друзей стало ясно: есть два пути. Либо в обвинители, либо в крупные адвокатуры, обслуживающие еще более крупные предприятия.

Она встала, надела тренировочные брюки и вышла на лестничную площадку. Музыка здесь слышна меньше. Почти не слышна. Но не спать же ей на площадке.

Она позвонила в дверь.

Молчание. Грохот музыки.

Посмотрела на часы – половина четвертого утра.

Позвонила еще раз.

На этот раз Вильям открыл. Волосы торчком, глаза красные. Либо пьян, либо обкуренный. За его спиной в дымном полумраке еще три фигуры – сидят на диване, устали в компьютер. Наверняка перелистывают «Спотифай» или «Ютьюб». Ищут чего погромче. Сволочи.

Он мутно улыбнулся.

Поганец. Идиот. С нее хватит.

– Я уже с тобой говорила не раз. Твои динамики стоят у стены моей спальни. Убавь громкость.

– Ну что ты раскипятилась, телочка? Заходи лучше к нам, попрыгаем... – Он продолжал улыбаться.

С нее хватит. Ей нужно выспаться хотя бы сегодня.

Правая рука распрямилась, как пружина, и врезала прямо в ухмыляющуюся физиономию.

Из носа брызнула кровь.

– Ты что, спятила? – парень зажал нос рукой.

– Убавь громкость, – тихо и яростно сказала Эмили. – Если с тебя хватит, убавь громкость. Если нет, могу добавить.

Приятельницы сообразили – что-то не так. Они неторопливо поднялись со своего дивана и втащили Вильяма в комнату.

Эмили пошла домой и тщательно заперла за собой дверь.

В половине седьмого музыкально пропищал мобильник. Она, не вставая, позвонила Магнусу Хасселу.

Спала меньше трех часов. Ночная выходка – ничего удивительного. За гранью нормы. Все, что происходит, – за гранью нормы. Но больше всего ее удивила собственная решимость – словно бы никаких «граней нормы» просто-напросто не существует. Оскорблена – действуй.

Наверное, стоит купить бутылку вина и пойти извиниться.

– Кто? – голос полусонный.

– Эмили Янссон. Извините, знаю, что очень рано, но вопрос неотложный. Меня попросили помочь в важном деле.

– А попозже, в конторе?

– Нет, к сожалению. Я должна дать ответ до восьми.

– А разве они не обращались к кому-то из нас... из совладельцев?

– Не думаю. Это уголовное дело. Парень подозревается в убийстве и почему-то выразил желание, чтобы его адвокатом была именно я.

Странно – после каждой фразы она слышала собственное шумное дыхание. А может, это Магнус дышит. Эмили приподнялась и выглянула в окно. На крыше соседнего дома сидит черный дрозд. Наклонил голову и внимательно ее разглядывает.

– Я вот что тебе скажу, – голос Магнуса заметно похолодел. Плюс четыре, не больше. Температура замерзания. – Адвокатура «Лейонс» да и все бюро этого типа за подобные дела не берутся. Прежде всего, это вне пределов нашей компетенции, но есть кое-что и похуже.

Мы рискуем испоганить репутацию. Наши клиенты решат, что у нас какие-то делишки с бандитами. Это-то ты понимаешь?

– Я так и думала. Но решила на всякий случай спросить. Мне почему-то кажется важным взяться за это дело. Что-то в нем есть особенное...

Магнус на другом конце застонал. А может, зевнул. А может, дает понять, что пора кончать с этой чушью.

– Эмили... твои представления о «важном и особенном» никакого отношения к делу не имеют. Ты адвокат в известном бюро «Лейонс», а не профессиональный борец за права человека. Кстати, поздравляю. Ты теперь настоящий адвокат. Это и есть самое особенное и самое важное.

Металлическая дверь. Хотя и расположена в самой середине гигантского полицейского комплекса на Кунгсхольмене, но заметишь не сразу – настолько обыденный у нее вид. Единственное, что указывает, что это дверь в самую большую шведскую тюрьму, – маленькая белая табличка в стороне: «Следственный изолятор Крунуберг».

Эмили никогда и в голову не приходило, что в самом центре Стокгольма есть тюрьма; а там, внутри, – подозреваемые. Подозреваемые в убийствах, грабежах, насилиях, наркотики-леры.

После разговора с Магнусом она довольно долго стояла у окна с телефоном в руке и старалась выдержать немигающий, почти гипнотический взгляд птицы на соседней крыше. По какой-то причине ей становилось все яснее, что выбора у нее нет, что бы он там ни говорил, Магнус Хассел.

Подземный переход с бронированным стеклом. Четыре стальные двери в наивысшей весовой категории. Она попыталась сосчитать камеры наблюдения, но сбилась. Больше десяти. Наконец, оказалась в комнате, напоминающей банковскую контору: остекленная перегородка с окошком. Прочитала надпись: центр охраны. За стеклом сидел парень с очень близко посаженными глазами. Он уставился на нее так пристально, что Эмили решила – у него, наверное, слабое зрение. Плохо видит через стекло.

Она нажала на кнопку. Громкоговоритель сначала зашипел, потом послышался надтреснутый голос:

– Я не понял – кто вы?

– Я звонила вам со входа. Я должна встретиться со своим клиентом.

– Удостоверение личности?

Она выудила из бумажника права и прижала к стеклу.

– Кто вас прислал?

– Никто. Меня заявили как частного адвоката.

– *Частного?*

– Да. Инспектор Юхан Кулльман должен был вам сообщить.

– Вот оно что... – пробормотал вахтер и уставился на дисплей компьютера. Нажал несколько клавиш. – Вот оно что... частный адвокат...

Отсюда из-за стекла была видна черно-белая шахматная доска экранов с камер наблюдения. Лифты, переходы.

Скоро она увидит человека, подозреваемого в убийстве другого человека.

Помещение напоминало больницу. Это и есть больница, только здесь почему-то пахнет по-другому и все двери заперты. Она передала пропуск еще одному вахтеру и в его сопровождении двинулась по коридору. Миновали еще три полутонные железные двери. Что будет со всей этой электроникой, если начнется пожар? И что будет с теми, кто сидит за этими дверьми?

Отделение номер шесть: больничное. На стене – старый плакат KRIS¹⁰. У входа ее встретила женщина по имени, если верить бейджику, Жанетт Никореску. Эмили так и не поняла, кто она – надзирательница, медсестра или врач.

В палате, где лежал ее клиент, окон не было. Полы и стены – выкрашенный в светло-зеленый цвет пластик. Трудно представить, что это помещение когда-то выглядело клинически свежим. Посередине – типичная больничная койка с множеством приспособлений и два стула. Плафон в металлической сетке на потолке. Невозможно ни повеситься, ни задушить кабелями охранника. А почему бы не задушить адвоката?

Что за абсурд – человек, лежащий перед ней, вряд ли способен на такие подвиги.

У парня никаких видимых повреждений, за исключением большого красного пятна на лбу. Лицо спокойное, глаза закрыты. Спит? Одна рука на одеяле, а на пальце прищепка, от которой идет тонкий проводок к монитору рядом с койкой. Измеряют насыщение крови кислородом. На экране то и дело выскакивают какие-то цифры и бежит пульсирующая змейка ЭКГ.

Эмили присела на стул.

– Он что, в коме?

– Не совсем... – сказала Жанетт. – Есть шкала комы, принятая на конгрессе в Глазго. От трех до пятнадцати. Тройка – самая тяжелая форма, при восьмерке все еще нужен респиратор, четырнадцатая фаза – пациент может самостоятельно передвигаться, но слегка дезориентирован. Что касается вашего подопечного... между одиннадцатой и двенадцатой.

– И как это? Звучит, по крайней мере, обнадеживающе. Двенадцатая из пятнадцати возможных – неплохо.

Видимо, все-таки медсестра, а не надзирательница.

– Да... но что будет дальше? Это вопрос времени. Он уже разговаривал с нами, но помутнение сознания очевидно. Черепно-мозговая травма, несколько небольших субдуральных гематом. В принципе надо бы дренировать, но на сегодня мы считаем, что можно обойтись без оперативного вмешательства. Поэтому он и лежит в шестом отделении.

Жанетт Никореску вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Точно – медсестра. Или даже врач. На бейджике этого нет.

Наступила тишина. Время от времени чьи-то шаги в коридоре.

Время идет, парень не двигается. Она вспомнила отца. Скрипнула зубами – с отвращением вспомнила о ночном приключении. Надо же быть такой идиоткой – избить соседа. А если он заявит в полицию? Или в правление кооператива? Эмили не могла вспомнить, чтобы когда-то даже слышала о подобных вещах.

Надо взять себя в руки. Поменьше работать, а может, обратиться к психотерапевту. Снять стресс. Она уже пробовала – результат неплохой.

Почему-то вспомнила Тедди. Интересно, знает ли он, что она теперь адвокат? А если знает, почему не поздравил? Он же иногда работает на их контору.

Посмотрела на часы и наклонилась над койкой.

– Привет, это я, Эмили Янссон. Твой адвокат.

Парень не пошевелился.

– Ты меня слышишь?

Совсем молодой паренек, худенький, давно не мытые волосы. Тонкие бледные губы, прямые, словно их кто-то нарисовал по линейке. Кулльман назвал его имя. Беньямин.

– Беньямин, покажи хоть как-то, что ты меня слышишь.

¹⁰ KRIS (*Kriminellas Revansch I Samhället*) – общество, помогающее реабилитации преступников после выхода из заключения.

Никакой реакции.

Цифры на мониторе менялись в том же неторопливом ритме, вздрагивающая кривая ЭКГ выглядела успокаивающе, хотя она ничего в этом не понимала.

Эмили встала и направилась к двери. Интересно, как защищать человека, с которым нет никакого контакта?

– Тедди, – услышала она слабый голос за спиной и резко повернулась.

Глаза по-прежнему закрыты.

– Что ты сказал?

Голос слабый, но она разобрала каждое слово:

– Попроси Тедди понять.

6

Утренняя прогулка. «Гайномакс»¹¹ и кофе в «Севен-Элевен». Пятнадцатиминутный телефонный разговор с Линдой о Николе. Парень только что вернулся из Спиллерсбуды. Я вне себя от волнения, сказала Линда. Понятия не имею, как с ним управляться.

Тедди поехал поздравить племянника с началом новой жизни.

– Заперся в спальне и никого не хочет видеть, – шепнула ему сестра.

Тедди постучал.

– Могу я тебя обнять?

Никола пробормотал что-то вроде «после, после, а то сдохну с похмелью».

Линда предложила погулять – пусть парень проспит.

Они пошли по набережной. К лодочной гавани. Мусорные корзины переполнены – выпускные праздники в гимназиях.

– Тедди, извини меня, в последний раз я... ты помнишь, я сказала, что единственное, чего хочу, – чтобы Никола не был похож на тебя.

– Ладно, все в порядке. Не мечи икру.

– Я мечу икру из-за него. Я не выдержу, если он опять туда загремит.

– Будем надеяться. Может, чему-то научился.

– Не знаю... не уверена. Поговори с ним, а? Он никого, кроме тебя, не слушает.

Может, Линда права. Ну и что? Поговорит он с парнем, уйдет домой, а дальше? Все начнется сначала. Ей нужно как-то наладить нормальные отношения с сыном, иначе все это пустые хлопоты.

Но все же: его помощь нужна. Встречаться с Николой, говорить с ним, попытаться найти квартиру, работу... Можно попытаться, но... парню девятнадцать лет. Жизнь за него никто не проживет.

Тедди принял душ. Растерся полотенцем, посмотрел на телефон – пропущенный вызов.

Эмили? Впервые за последний год он видит ее имя на дисплее.

Послушал сообщение. Знакомый высокий голос.

«Позвони мне. Это важно».

Само собой. Конечно, позвоню. Попытался вычислить, что она от него хочет, и не вычислил.

Последний раз они виделись в лифте в адвокатуре «Лейонс».

Она попыталась поначалу сделать вид, что его не видит. Нелегкая задача: едешь в лифте, открывается дверь, а тот, кого ты не хочешь замечать, стоит перед лифтом и смотрит на тебя в упор.

– Добрый день, Эмили. Не вчера это было.

Она вышла из кабины как-то боком, прижав компьютерный портфельчик к груди, словно опасалась к нему прикоснуться.

– Как ты? – спросила она, дождавшись, пока он войдет в лифт.

– Нормально. А ты? Работаешь на износ?

– Я всегда работаю на износ.

– Береги себя, – нашелся Тедди. – Ты немного бледная.

– Это профессиональное, – усмехнулась она. – *Transparent lawyer*. Юрист должен быть прозрачным. Как привидение. Но обещаю – пугать тебя в коридорах не стану.

¹¹ Протеиновая пищевая добавка.

Тедди нажал на кнопку. Двери медленно сдвинулись. Кабинка вздрогнула и поехала вниз. В лифте остался ее запах. Что-то лимонное.

За дело Маклауда он запросил шестьдесят тысяч. После налогов останется чуть больше половины. Неважно – на пару месяцев хватит. Дорогих привычек у него нет.

Магнус Хассел был очень доволен проведенной им «операцией», как он ее назвал. Вчера он сдал предварительный рапорт.

Самое главное – доказательства. Тедди записал на мобильник всю историю с пакетом. Мало того: сфотографировал содержимое пакета и взял пробу для анализа.

– Позвольте предположить: сделка вашего клиента с Маклаудом вряд ли состоится.

Магнус хохотнул.

Его интерес к искусству последнее время принял довольно странный характер: на полке за спиной Магнуса стояла скульптура, изображающая женские половые органы. Мраморная, очень натуральная, но почему-то зеленого цвета. Во влагалище – что-то вроде вертикально расположенного, слепого, как у античных изваяний, глаза.

– Тедди, Тедди, ты совсем новичок в этих делах. Конечно, состоится! Наоборот – твои подвиги увеличили шансы во много раз.

Тедди ничего не понял. Он только что раздобыл материал, достаточный, чтобы генеральный директор Фредрик Маклауд угодил за решетку как минимум на такой же срок, что отбыл сам Тедди.

– Фредрик Маклауд – гениальный генеральный, – сказал Магнус. – Так и запомни – гениальный-генеральный, генеральный-гениальный. – Таких мало. Вся разница в том, что теперь наш клиент заплатит Маклауду на пару сотен миллионов меньше.

– Шантаж?

– Мы здесь, в «Лейонс», никогда не изменяем своим клиентам, – наставительно произнес Магнус. – Если видим возможность улучшить для клиента условия сделки, мы ею пользуемся. Это, если хочешь знать, наш долг. Мы торгуемся, – он опять хохотнул. – Много знаешь – много получаешь... видишь, я уже в рифму заговорил.

– Меня попросили быть частным адвокатом молодого парня, арестованного по подозрению в убийстве, – сказала Эмили.

Голос странный, напряженный.

– Я и не знал, что ты занимаешься такими делами, – он искренне удивился. – Магнус поручил?

– Нет, не Магнус. И никто из конторы. Меня попросили, и все это выглядит очень странно.

– И ты согласилась?

– Да. Разве я не сказала? Но я так называемый *частный* адвокат.

Тедди удивился. У него самого никогда не было частного адвоката. Обычно частных адвокатов нанимают те, у кого бабла куры не клюют.

– А кто платит?

– Никто. Я решила работать *pro bono*¹². В Швеции есть два варианта. Частный адвокат и общественный. Общественного оплачивает государство.

– Знаю, знаю... но зачем... – И тут он понял. – Значит, контора не знает? Левая работа? Она вздохнула.

– Не знает. И никто не должен знать, даже если ничего не состоится. Кстати, подследственного зовут Бенъямин Эмануэльссон. Ты знаешь, кто это?

Эмануэльссон.

¹² Без оплаты, ради общественного блага (*лат.*).

– Я могу позвонить тебе через несколько минут?

Харенпарк. Суббота. Тедди пришел туда четыре месяца назад, в годовщину смерти Матса Эмануэльссона.

Дети покойного всегда ходили этой дорогой к метро. На земле, на качелях, в песочнице лежал девственно-белый снег, только дорожки посыпали гравием.

Плескательный бассейн покрыт льдом, который еле заметен из-за вмерзших осенних листьев... Тедди почти ничего не знал о самоубийстве, но в этот раз он решил дожидаться – вдруг кто-то из них пойдет этой дорогой.

Начиналась пурга. Казалось, снег валит не с неба, а поднимается от земли, как туман. Еще немного – и он поглотит и его, и то отвратительное воспоминание.

Тедди похитил Матса Эмануэльссона. И получил за это восемь лет. И где-то посередине срока Сара рассказала, что Матс покончил жизнь самоубийством.

Сара... он старался не думать о ней. Он так и не знал, что произошло, но прошлого не вернешь. Она порвала с ним решительно и бесповоротно... слишком уж решительно.

Тедди приблизительно знал, что пришлось пережить Матсу после похищения. Он кое-что видел – и прежде всего слышал рассказ Матса на суде, когда ему, Тедди, впаяли восьмерку. Ничего удивительного, что вся эта история просто-напросто сплющила парня.

Его самоубийство – нельзя сказать, чтобы оно потрясло Тедди. До поры до времени. Пока не позвонил Луке Уденссон, его бывший сокамерник, а ныне компьютерный гуру. Луке рассказал, что он, Тедди, похитил Матса с подачи нескольких крупных педофилов. Они хотели заставить Матса прикусить язык. Боялись засветить информацию, которая попала на жесткий диск в компьютере Матса, и требовали отдать им этот компьютер.

Но ведь Тедди ничего этого не знал, он выполнял заказанную работу. Как говорят в плохих американских боевиках, – *nothing personal*. Ничего личного. Но какая теперь разница? Он, Тедди, вольно или невольно, помог подонкам.

Под снегом он простоял четыре часа.

Наконец они появились – как ни странно, оба. Молодой парень и девушка-подросток. Он заметил их издалека.

Беньямин и Лиллан.

Тедди отошел в сторону, но мог бы этого и не делать: они и так не обратили на него внимания. Либо не узнали, либо просто никак не ожидали именно здесь увидеть человека, отсидевшего восемь лет в тюрьме за похищение их отца.

Он догнал их.

– Подождите.

Они повернулись одновременно, как по команде.

– Я Тедди Максумич. Только не пугайтесь.

У Лиллан сделали такое лицо, словно глаза собрались выпрыгнуть из орбит и покачаться по снегу. Она начала судорожно нащупывать в кармане мобильник – позвонить в полицию. Беньямин сделал шаг в сторону и встал между Тедди и сестрой. Защищать ее собрался, что ли. Молодец.

– Не пугайтесь, – повторил Тедди. – Я просто хотел сказать... в общем, мне очень жаль, что так получилось. Если бы можно было повернуть назад время, я бы сделал все, чтобы этого не было.

Он замолчал – надо было убедиться, что они слушают. И понимают его слова.

– Я не знал, что они хотели. Никакого вреда я вашему отцу не причинил. Те... другие. Но это не извинение... я похитил вашего отца. Моя вина, и никто с меня ее не снимет. Пока я жив.

И тут он понял, что продумал только слова, которые он им скажет для начала, а что делать дальше – понятия не имел.

Они стояли и молчали, все трое. Ребята напоминали послушных детей, ждущих разрешения бежать по своим детским делам.

– Почему вы нас искали? – после долгого молчания спросил Беньямин.

– Потому что меня обманули...

Он запнулся, не то поклонился, не то просто опустил голову и побрел прочь.

И вот через четыре месяца Беньямин подозревается в убийстве. В тот проклятый год, когда Тедди похитил его отца, ему было двенадцать. Сейчас, значит, двадцать один. И он попросил Эмили быть его адвокатом.

Звучит как сплошная выдумка, притом довольно нелепая. Но не могла же Эмили все это придумать.

Что произошло?

7

Никола так и лежал в постели. Пока он сидел в Спиллерсбуде, у него было несколько увольнительных, но он их проводил у Хамона или у кого-то из друзей. На этот раз – в своей постели. У мамы.

Он свернулся в клубочек под одеялом.

Странно: все как нельзя лучше. Должен бы лопаться от счастья. Никто не запирает двери в девять вечера. Никаких проверок. Ни обысков, ни Сандры, ни Андерса, ни прочих зануд с их постоянными замечаниями.

Но чувствовал он себя – хуже не придумаешь. Трижды бегал в сортир. Его вывернуло наизнанку, уже ничего в желудке не осталось, а лучше не стало. Он даже не открыл дверь Тедди, который зашел его поздравить.

И это не желудочный грипп, и не скажешь, что обкурился. Нет, как бы ему ни хотелось свалить все на одну из этих причин. Вчерашняя пирушка ни при чем – не так уж он много выпил. Он знал, в чем причина.

Никола Максумич, племянник Найдана. Найдан, он же Медведь, он же Тедди. Племянник Тедди Максумича – свободный человек.

Но в глубине души он знал, в чем дело.

Страх. Ему было не по себе от страха.

Вчера... что было вчера? Хамон не шутил, он и в самом деле устроил настоящий пир. Заказал столик в дорогом баре на Сальтшёгатан. Хамон, Юсуф, Белло и еще четверо.

– Выпивкой угощаю я, за еду платите сами, – сказал Хамон. – Не каждый день такое – Никола откинулся.

Интересно, откуда у него столько фантиков...

Они пытались снять телок, перемигивались с официантками, болтали со знакомыми. Сёдертелье – не мегаполис, всего-навсего большой пригород Стокгольма. За круглым столом – парни Юсуфа. А если ты в команде Юсуфа – значит, человек Исака. Аура уважения.

Стейк на дубовой доске, светлое пиво.

Хамон заказал кальвадос, помахал свернутой в ролл тушкой салаки.

– Ребятки, чарли¹³ хватит на всех.

В другой руке он держал бутылку шампанского.

– «Мозт и Шандон» – мое второе имя.

Изо всех сил старался держать градус. Забрался на стул.

– Пьем стоя! Твое здоровье, Библик! Добро пожаловать домой!

Вчерашние мысли застряли в голове.

Он же ничтожество, только притворяется крутым. А на самом деле – никто.

Что с ним не так? Почему он не может, как остальные? Когда надо быть спокойным – сохранять спокойствие, когда надо взорваться – взрываться. Чтобы со стороны было видно, кто идет. Казалось бы: нет никого счастливее его в Северной Европе.

Ан нет! Дрожит как осиновый лист.

Непонятно, должен бы перерасти эти младенческие глупости – скоро двадцать. Должен бы, должен... но в глубине души Никола знал, что все так и останется. Последние годы... он делал все что положено, от друзей не отставал, повторял, что ему надоело мелочиться, просил взять его в настоящее дело...

¹³ Charlie, кокаин (*жарг.*).

И в то же время ему было очень страшно.

И с кем поделиться?

Он панически боялся идти на эту чертову стрелку. Суд Исака.

«Ты просто трус, Никола», – сказал он себе.

Ребята пошли зарядиться в туалет. Никола тоже нюхнул с полчаса назад, и кайф начал выветриваться.

Рядом с ним к стойке протиснулась совсем молодая девчушка и попыталась что-то заказать. Бармен сделал вид, что ее не замечает.

– Я тебе помогу, – покровительственно кивнул Никола и перегнулся через стойку. – Ты что, не слышишь, приятель? Обслужи девушку.

Бармен посмотрел на него специфическим барменским «а-ты-кто-такой» взглядом, но внезапно брови его полезли вверх, и он, как овечка, принял заказ. Никола обернулся – за его спиной стоял Юсуф.

Оказалось, девочку звали Паулина, ей всего семнадцать. Собственно, она не имеет права здесь находиться, наверняка предъявила ID кого-то из подруг. Она с приятелями уже начала праздновать. Устроили пикник в гавани. Выпили по стакану «Кикки Даниэльссон»¹⁴.

– Это еще что такое?

– Биб.

– Какой-такой биб?

– Ты что, не знаешь, что такое биб?

– Нет.

– Bag in box. Биб. Любимый напиток Кикки.

Они посмеялись. У Паулины были яркие карие глаза.

– А это правда, что ты говоришь по-ассирийски?

Он был известен в Сёдертелье именно из-за этого. Он кивнул – не в первый раз ему задают такой вопрос.

– Я вырос с ребятами из Сирии.

– Потрясающе! Я даже польский не знаю, хотя мои предки оттуда. А еще говорят, твой дед читал тебе русских классиков, когда ты был маленький.

Откуда ей это знать? Он опять кивнул, на этот раз не так уверенно, и сменил тему.

– А ты с кем?

Никола огляделся. Приятели кружили по залу, поглядывая на него поощрительно: заслужил! Сегодня в самый раз потрахаться после такого долгого поста.

Он только надеялся, что они не слышали ее последний вопрос – насчет русских классиков.

Охотнее всего Никола проболтал бы остаток вечера с этой симпатичной девчонкой.

Потому что это была еще одна постыдная тайна: он не только трус, но к тому же и девственник. Он никогда еще не спал с женщиной.

Постель казалась жаркой и неудобной. Мать ушла куда-то с Тедди.

Завтра, завтра... этот чертов «суд» будет завтра. Ни он, ни даже Хамон не знают, когда и где. Вечно у них так – никто ничего не знает до последней минуты. Но сегодня вечером он должен проверить одно дельце; что ж, это часть его работы.

Он, вообще-то говоря, должен был сейчас находиться на рабочем месте у Георга Самюэля, но позвонил, сказался больным. А что? Его состояние вполне подходило под опреде-

¹⁴ Шведская эстрадная певица, известная пристрастием к вину в упаковке bag in box – «мешок в коробке» (англ.).

ление «болезнь». К тому же мастерские были в Окерсберге, на другом конце Стокгольма, минимум час езды. Неужели мать и вправду надеется, что он продолжит практику?

На полке – фотографии в рамках. Молодая мама в студенческой фуражке и ярко-голубом летнем платье. Лицо веселое, а рядом дедушка, он заметно гордится дочерью. Через год родился Никола. Как-то, когда ему было лет одиннадцать, мать обронила, что дед был недоволен, когда она его родила.

– Почему? – спросил Никола. – Разве он меня не любит?

– Конечно, любит. Он любит тебя больше всего на свете. Но он хотел, чтобы я поступила в университет или в другую высшую школу, а когда ты родился, он решил, что моя карьера кончена. По его мнению, я родила слишком рано. Мне было всего двадцать.

Забавно: Никола помнил до сих пор, что он тогда ответил матери.

– Двадцать лет – не рано, мама. Посмотришь, когда мне будет двадцать. Я, может, буду хозяином всего Сёдертелье.

Даже матери он не решался сказать правду...

В три часа утра Хамон помахал рукой – пора. Шалман закрывается. Симпатичная девушка, Паулина, уже час как ушла домой.

– Она же тепленькая, – пожал плечами Хамон. – Почему не повел ее к себе?

– Не знаю...

– Ладно, не беда. Праздник продолжается.

Никола не понял, что он имеет в виду. В три часа в Сёдертелье все закрыто, кроме подпольных клубов. Но там и не выпьешь. Там покер и кости.

– О чем ты? Поедем к тебе, что ли?

– Ну как же – ко мне. Раскатал губенки... Я же говорил насчет спецэффектов, помнишь? Так что – вперед!

Почти все ребята разошлись. Кто-то был пьян в стельку, кто-то обкурился и нанюхался. Кому-то повезло снять телку. Юсуф двинул в Барсту играть в карты. Кроме них, остался только Белло. Он ждал их у выхода.

Никола больше всего хотел домой. Устал, хмель понемногу выветривался. Что затеял Хамон? Что он имеет в виду под «спецэффектами»?

Белло куда-то позвонил, и через несколько минут подкатил потрепанный «Форд Фокус».

– Наш собственный такси-сервис, – Хамон открыл дверцу.

Они выехали из Сёдертелье на шоссе. За рулем – парень, очевидно, хороший знакомый Хамона, но Никола его никогда не видел. Минут через десять свернули к Норсборгу. Обычно за рулем сидел Никола. Ему и сейчас очень хотелось порулить... но нет. Рисковать можно, но глупо рисковать – увольте.

– Что ты задумал? – спросил он.

– Пальчики оближешь. Только для тебя.

Сквозь открытое окно струилась ночная прохлада. Уже начало светать.

Хамон потыкал пальцем в мобильник.

– We are here now. What is the code?¹⁵

И он и Белло выглядели так, будто только что выиграли миллион в «Трисс»¹⁶.

В подъезде пахло мочой. Лифт не работал. Хамон то ли хохотнул хрипло, то ли чихнул, как старый испорченный мопед, и позвонил в дверь.

¹⁵ Мы уже здесь. Какой код? (англ.)

¹⁶ Популярная моментальная лотерея.

Открыла женщина в халате, обняла Хамона.

– Welcome!

Однокомнатная квартира. Голые стены, под потолком – лампа без абажура. Двухспальная кровать со смятыми простынями. Пахнет духами и еще чем-то.

Хамон провел их в кухню и закрыл за собой дверь. Глаза его возбужденно блеснули. В раковине громоздились немытые тарелки.

– Братья, празднуем все трое. Но ты, Нико, первый. И сколько хочешь. Мы с Дариной обо всем договорились.

Хамон вытолкнул Николу в комнату.

– Поздравляю, дружок.

И плотно закрыл за ним дверь.

Женщина сидела на краю кровати. Вблизи она казалась совсем молодой, вряд ли старше, чем сам Никола. Розовая губная помада и туфли на шпильках. Темные глаза и крашенные блондораном волосы, которые успели уже отрасти сантиметров на пять у корней. Странное сочетание – халат и шпильки.

– So, you are Nikola?

– Yes.

– What do you like?

У него загорелось лицо. Он стоял в метре от проститутки, но ему казалось, что она смотрит ему прямо в мозг.

– It is first time?

Он заставил себя кивнуть.

– Sit down¹⁷.

Он присел с другой стороны постели. Дарина переползла к нему, и он почувствовал ее руку на плече. Она начала массировать ему спину.

Ему хотелось убежать, но он никак не мог придумать, что сказать, как оправдать свое бегство. Почему-то ему вспомнился дядя: комната для посетителей в тюрьме, Никола и Линда. Два часа общения. Ему было, наверное, лет четырнадцать. Тедди сказал: «Мне кажется, вы уносите с собой частичку меня, когда уходите. Уносите на свободу. Я вас очень люблю».

Восемь лет дядя провел за решеткой. Без женщин. И как это?

Через пару минут Дарина властно повернула его к себе и сбросила халат. Под халатом ничего не было. В неприятном свете лампы кожа ее казалась сероватой. Маленькие треугольные груди.

Она легла, изогнувшись, рядом и протянула тюбик с каким-то кремом.

– *I help you*¹⁸.

Никола взял тюбик, не зная, что с ним делать. Дрожащими руками расстегнул джинсы и зажмурил глаза.

Грохнула дверь, и в комнату влетел Хамон.

– Абри... sorry, что беспокою. Кое-что произошло.

Никола торопливо застегнул брюки.

– Надо ехать, – сказал Хамон. – У Юсуфа проблемы в Барсте. Какой-то отморозок выкнул, что Юсуф играет на верняк.

Никола спрыгнул с постели.

Его слегка покачивало.

Полицейское управление Стокгольма

¹⁷ Значит, ты Никола? – Да. – Что тебе нравится? – Это первый раз? – Садись (*англ.*).

¹⁸ Я помогу тебе (*искаж. англ.*).

Беседа с информатором «Мариной», 11 декабря 2010 года
Вел беседу Йоаким Сунден
Место: Эльвшё-центр

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА 2 (Часть 2)

Запись беседы (продолжение)

ЙС: Мы остановились на том, что в 2005 году у вас были неприятности с карточными долгами, и Себбе угрожал вам, требуя вернуть три миллиона крон.

М: Магнитофон выключен?

ЙС: Да. Только вы и я. Вы же понимаете, мне нужна информация и ничего больше. В лицо вас знаю только я, и к тому же у вас иммунитет. Для цельности картины очень важно, чтобы вы продолжили ваш рассказ.

М: Хорошо, хорошо, я вам верю. Попытаюсь...

Я уже сказал, что у меня не было ни малейшего представления, как раздобыть деньги для Себбе. Даже при сплошной удаче в клубах и в Сети мне не удалось бы собрать такую сумму. Невозможно. Две недели! Три миллиона! В лучшие времена я не выигрывал и трети этих денег за такой срок. Но что мне оставалось делать? Только пытаться.

Я взял больничный лист. Сидел дома и играл дни напролет – только в интернете, в клубах мне было бы стыдно перед приятелями. Чтобы не быть узнанным – а в этом мире все знают друг друга, – я завел несколько логинов. Иначе все бы удивились, что я не вылезаю из Сети.

Шли дни. Я пробовал найти Себбе, попросить продлить срок, надеялся, что передумает, но он не показывался.

Я много играл в жизни, но на таком уровне и так интенсивно – никогда. Я словно сошел с ума. Рисковал, как раньше ни за что бы не решился. Играл только в «Пот лимит Омаха рум». Там пасутся главным образом китайцы и американцы. Маятник, конечно. Выиграл шестьдесят тысяч евро. На следующий день спустил тридцать.

Я быстро забываю расклады. Но этот не забуду никогда. Я скопил за эти дни почти миллион и сидел на сайте под названием «Короли покера». Сдача была сказочной, и играли по крупной. Пятьдесят тысяч евро в фишках у каждого. Я сидел вторым. На сдаче получил даму бубен. Я, повторяю, сидел вторым, большой блайнд¹⁹. Поставил тысячу. Те, кто не спасовал, – малый блайнд. Пропустил круг – никто не повысил. Во флопе – туз, дама и четверка. Из них две бубны. Первый, с ником Бальрог-666... он пропустил ставку, а я, как идиот, удесятирил. Десять тысяч евро. В Интернете лиц не видно, но все наверняка решили – крыша поехала. Однако я решил, что бубновая дама и две бубны во флопе – хороший шанс. Если Бальрог сидел бы с тузом в префлопе, наверняка бы повысил сразу. Но если он нацелился на что-то другое, скажем, на пару в четверках, он пойдет до конца. Я уже знал этого парня, или женщину, кто разберет по нику, он там или она, – Бальрог часто переоценивал свою руку. Поэтому я и задрал ставку – если остальные спасуют, мне, по крайней мере, достанутся полторы тысячи, которые уже в банке. Но тут... этот сукин сын поставил *all in*, совершенно

¹⁹ Здесь и далее покерная терминология.

неожиданно, и поди знай, что у него сложилось, может, всего-то жалкая пара четверок, а может... Я уже несколько раз встречался с этим антихристом²⁰, Бальрогом-666, и понял, что обычно он нагличает только поначалу, а под конец осторожен. Но кто его знает – может быть... на этой стадии определить невозможно – он уже дал полный газ. И я решил – сейчас или никогда. Секунды не прошло, как я его открыл. У Бальрога оказалась пара в тузах. Невероятно! Вы хоть немного знаете покер?

ЙС: Очень поверхностно.

М: Почти невероятно, что ему пришла эта пара. Он же не повышал ставку, пока не был сдан флоп! Значит, у него уже был туз, и он меня перехитрил. Это конец... я чуть сознание не потерял. Вы понимаете, что произошло? Я, скорее всего, проиграл все, что с таким трудом наскреб за последние дни.

Но! На четвертой сдаче мне пришла бубна. Вы поняли?

ЙС: Честно говоря, нет.

М: Во флопе лежали еще две. И последняя, четвертая сдача принесла мне еще одну бубну! У меня на руках был цвет, очень высокая комбинация. Это значит, я забирал весь банк. Миллион крон.

ЙС: Ну и ну...

М: Это было что-то невероятное! Я уже начинал думать, что я сумею отдать Себбе долг.

Но осталось совсем немного времени. Несколько дней. И я был бы полным идиотом, если бы понадеялся, что мне все время будет так идти карта. Надо было искать другие возможности. Попробовал продать свою машину, «Рено», дал объявление на Blocket²¹, пришли двое или трое, но ничего не вышло. Сто тысяч, сказали, слишком дорого. Я снизил цену до девяноста, мне предложили восемьдесят.

Продал домашний кинотеатр, катер. Мебель – диванный гарнитур, густавианские стулья. Дом и дачу не мог продать, они записаны на Сесилию. Продав фонды в «Нордеа»²². Увеличил квартирный займ на триста тысяч, больше не дали. Банк не одобрил, там и так большой долг. Потом занял двести тысяч в «Блю Степ»²³ под десять процентов.

Мало того: взял потребительские займы и в «Консумент Кредит» и в «Коллекторе», причем заполнил бланки и послал одновременно, чтобы они случайно не узнали до того, как выдадут займ. Два друга-партнера по покеру, Буссе и Богуслав, тоже одолжили мне деньги. Поняли, что дело серьезное, хотя я не рассказал им всю правду.

Оставалось два дня. К этому времени у меня было полтора миллиона выигрыша, и еще восемьсот тысяч, и наскрябал всеми этими займами... короче, заложил и свою жизнь, и повесил долги на семью. И все равно не хватало. Себбе требовал три миллиона на блюдечке. Что было делать? И я решил – сорокавосьмичасовой марафон. Зайду на самый крутой сайт и буду играть без перерыва. Сказал Сесилии – на работе аврал, крайне важное

²⁰ Имеется в виду число антихриста из Откровения Иоанна Богослова – 666.

²¹ Общедоступный сайт, где выставляется на продажу все возможное.

²² Один из ведущих шведских банков.

²³ *Blue Step*, один из банков, ссужающих деньги под большие проценты без проверки кредитоспособности, но под гарантию недвижимости и т. д.

дело, и я должен двое суток работать без перерыва. Она не очень хорошо понимала, что это за работа такая – двое суток без перерыва. Она работала в губернском правлении. С восьми до пяти. Час на ланч.

– Но ты же еще болен? – спросила она и положила руку мне на лоб. – У тебя уже нет температуры?

Боже, как я ненавижу свое вранье! Но выхода не было. Я отвел руку.

– Не могу сказать, что я в полном порядке, но есть вещи, которые никто за меня не сделает. Скоро лето, и если я закончу с этой мути вовремя, обещаю – в отпуске пальцем не шевельну по работе. Предлагаю тебе и детям поехать на дачу и передохнуть.

Сесилия криво улыбнулась – как всегда, когда она не очень верит в мои истории.

– О'кей, – она потрянула головой, – но при одном условии: летом четыре недели с нами и никакой работы.

Я поцеловал ее в лоб.

– Гарантирую, – сказал я как можно спокойнее.

Что было дальше? Я открыл параллельно четыре сайта, по две покерных комнаты на каждом. Признаюсь – такой сеанс одновременной игры я давал первый раз в жизни. Принес в кабинет эспрессо-машину, всякие энергетические напитки вроде «Ред Булла». Спал я за эти сутки три часа в середине дня и два – ранним утром. Надо было согласовать время с крупными игроками из Штатов. Раз в час – глазные капли и немереное количество жидкости. Поставил сонаты Бетховена нон-стоп, а на телефоне включил будильник, чтобы напоминал – надо размяться. Тоже раз в час. Было бы катастрофой, если бы начались судороги в руке от непрерывной работы мышкой. Или, еще хуже, – заклинило позвоночник.

Никогда в жизни я не играл так хорошо и интенсивно. Адреналин, что ли, – все мои математические способности, весь опыт, все сошлось. Мне кажется, я даже сам ощущал, как точно и безукоризненно работает мозг. Я видел все возможности, все неожиданные ходы, чувствовал рисунок в игре партнера, то, что раньше не чувствовал и не понимал. Мало того, не понимал, как это важно. Я понял сердцевину игры, нащупал ключ. В общем, я бы не рекомендовал никому встретиться со мной за покерным столом в эти ночи. Этого смельчака ждал разгром.

Но время уходило еще быстрее, чем все то пойло, которое я в себя вливал. Я уже думать забыл о разминках. Времени не оставалось. В этот вечер должен явиться Себбе.

Оставалось собрать сорок тысяч евро, чуть меньше четырехсот тысяч крон.

И в этот момент в правом нижнем углу вынырнуло сообщение. Он появился. Или она. Бальрог-666.

И я понял: вот он, мой шанс. Бальрог хочет отыграть свой проигрыш. Будет ставить по крупной, а это как раз то, что мне нужно.

Это была битва кретинов. Мы рисковали, как новички... но это новое, ранее не испытанное чувство тотального понимания игры... это чувство несло меня, как на волне. Чувство, что я на порядок выше.

Через два часа я стал богаче еще на сто тысяч. Хорошо, но цель пока не достигнута.

Кофеин, сахар. И воля. В глаза будто песка насыпали, я слышал собственный пульс, как топот марширующих солдат. Мочевой пузырь резало невыносимо – не было времени сбегать в туалет. Адреналин... не стоит недооценивать адреналин. В минуты такой игры им недолго и захлебнуться.

Я начал замечать, что Бальрог играет все более и более неосторожно. Оставалось полчаса до конца сессии, и за столом остались только двое. Бальрог и я.

Это был мой шанс выиграть и собрать недостающую сумму. И все. Выключить компьютер, дождаться звонка Себбе и рухнуть в постель.

И тут подвернулся случай. Такой, что нельзя не воспользоваться. Я поставил *all in* и уже предвкушал, как после уплаты долга Себбе у меня останется еще несколько сотен тысяч. Отдам долги друзьям, может быть, даже куплю новую мебель для дачи.

Я проиграл сорок тысяч евро.

Пришел конец.

Через час позвонил Себбе.

– Собрал мои деньги?

– Конечно... почти. Дай мне еще один день, и получишь все сполна.

– Матс, ты какой-то непонятливый. Я хочу получить мои деньги.

Сегодня, а не завтра.

Щелчок отбоя прозвучал как пистолетный выстрел.

Через десять минут позвонили в дверь.

Какое счастье, что Сесилия и дети уехали! Посмотрел в скважину: он. Себбе. И Максим.

– Ну и как будем решать? – он даже не поздоровался.

Глаза у него были как у акулы. Я и сейчас помню, как начала непроизвольно дрожать нога. Набрал в легкие воздуха. У меня появилась спасительная мысль.

Было десять вечера. Именно в эту минуту началась моя новая жизнь. Пять лет назад началась, а теперь закончилась. И я сижу здесь и вам все это рассказываю.

Остальная часть памятной записки представлена в отдельном документе.

8

Гимнастика. Ритм. Начинаем с левой.

Прямой удар. Рука отходит точно по той же траектории. От бедра. Напрячь пресс.

Бум-бум-бум. Наращиваем скорость.

Как кобра.

Левая, правая, левая.

Сосредоточились на цели. Не чувствуешь дистанцию! И не косись на соседок.

Несколько человек стоят в ряд и смертельным боем избивают кожаные груши.

Забудь про остальных.

Йоссан только и говорила про кроссфит²⁴ и ВИТ – высокоинтенсивные тренировки. За двадцать минут сжигаешь больше калорий, чем при любом другом тренинге. И мышечная сила растет как на дрожжах.

Йоссан можно верить – она перепробовала все формы йоги в этом городе, все типы групповых тренировок, не говоря уж о собственном клубе бега в адвокатуре, который возглавляет бывший марафонец Якоб Лапин.

Эмили больше всего нравилось тхэквондо.

Левая, правая. Крюк, апперкот.

Лео держал в руке грушу на высоте ее головы и передвигался по синему резиновому полу. Она следовала за ним. Подбородок к груди. Взгляд зафиксирован на груше. Дышать носом. Носом дышать! Задняя нога начинает. «Малышка на миллион»²⁵.

Когда настало время лечь на татами и заняться стретчингом, руки дрожали крупной дрожью.

Эмили повезло: переговоры с китайцами сели на мель.

– Отложите ручки. С этого момента нам никто не платит. Если что-то ночью изменится, позвоню. Держите телефоны при себе.

Очень вовремя: ей нужно подготовиться к заседанию суда: выбор меры пресечения. Содержать подозреваемого под стражей или нет.

Но никак не могла сосредоточиться. Почему не звонит Тедди?

Она сначала даже не поняла, о каком Тедди идет речь. *Попроси Тедди понять...*

– Я знаю только одного Тедди. Тедди Максумич. Ты его имеешь в виду?

Беньямин еле заметно кивнул и опять погрузился в небытие.

– Все в порядке? – Лео похлопал ее по плечу.

Она уже направлялась в душевую.

Эмили ходила на тренировки в этот клуб уже два года. Типичный подвальный фитнес-клуб, ничего выдающегося. Синий резиновый пол, белые стены и кожаные мешки с песком, подвешенные к мощным крюкам в потолке. В вестибюле – фотографии Лео в лучшие годы, золотая медаль чемпиона Швеции, бронзовая – чемпионата Европы по тхэквондо.

– Думаю, да. А почему ты спрашиваешь?

– Под конец... не знаю, мне показалось, что ты где-то еще. Думаешь о чем-то постороннем. Киллер-инстинкт куда-то испарился. Или я ошибся?

Эмили вытерла пот со лба тыльной стороной ладони. Ей бы очень хотелось, чтобы Лео ошибся.

²⁴ Система физической подготовки, созданная Греггом Глассманом. Зарегистрирована в качестве торговой марки.

²⁵ Фильм Клинта Иствуда (2004).

В душевой никого не было. Подруги по клубу не стали переодеваться и пошли домой. Все они жили здесь же, на Эстермальме. Душ приятнее принимать дома.

Она направила лейку душа на ноги. Надо бы побрить, но в последние недели у нее просто-напросто не было времени. Хорошо, что Йоссан не видит – наверняка подняла бы на смех. Горилла, манто на ножках... Неважно. В ближайшее время у Эмили не было никаких планов демонстрировать кому-то голые бедра. К тому же, если этот кто-то не вынесет вида нескольких волосков, туда ему и дорога.

Она медленно вытерлась сто раз стиранным махровым полотенцем. В сумке приглушенно зазвякал телефон. Номер Тедди.

– Эмили...расскажи, в чем дело.

– Ты знаешь такого парня? Я тебе говорила – Беньямин Эмануэльссон?

– А что с ним?

Она объяснила. Кома, еле контактен. Единственное, что произнес внятно: «Попроси Тедди понять».

Странная какая-то история.

9

Пора. Он провалялся в постели весь день. Пришло время сделать то, что от него ждут. Пора. Позвонил Юсуф.

– Спасибо за вчерашнее, паренек. Под конец все пошло... но вам, конечно, спасибо, что вы шуганули этих сопляков. Теперь тебе только взять эту штуку.

– Где?

– У Габбе.

У Николы похолодело в животе. Оружие. Его уже как-то раз просили сходить к Габбе и взять «эту штуку», но тогда он брал не сам, только присутствовал.

Он даже не знал, как зовут этого Габбе. Скорее всего, Габбе – сокращенное Габриель. Старик жил один в таунхаусе в Энхёрне.

К Габбе ходили только в темное время суток.

Он огляделся. Темный ряд домов, только в одном, чуть поодаль, горел свет. Два фонаря на всю улицу, остальные разбиты – скорее всего, пацанва порезвилась. Перед домами либо невысокие деревянные заборчики, либо тесно высаженные кусты, а за ними – неправдоподобно огромные сверкающие грили. Никола понимал и уважал, если кто-то из кожи вон лез, чтобы пофорсить дорогой машиной, но гриль? О чем говорит гриль?

Он заглянул через забор дома Габбе. У Габбе гриля не было. Деревянный настил и два плетеных стула.

Темные окна. Никола заставил себя поднять руку и нажать кнопку звонка.

– Какой еще сукин сын не спит по ночам? – послышался голос, и дверь открылась.

Габбе выглядел точно так же, как и в тот раз. Волосы с проседью торчком, небритый. Стоит и чешет ухо. Шорты и распахнутый халат на голое тело. Грудь и живот настолько волосатые, что похоже на шерстяную кофту. Халат можно не запахивать.

– Ты кто такой?

– А вы меня не узнаете?

Габбе ослабился.

– Узнаю, узнаю... пацан, который говорит на нашем языке. Заходи.

Высокие потолки. Габбе зажег свет только в прихожей. Весь дом погружен во мрак. На стенах картины, больше похожие на иконы, – какие-то сирийские святые и патриархи.

– Проблемы с теликом, – проворчал Габбе. – Ты, случайно, не поможешь мне выставить каналы?

Единственное, что хотел Никола, – поскорее забрать то, за чем пришел, и убраться восвояси.

– Посмотрю, – коротко сказал он. – Попозже.

Габбе остановился.

– Знаешь, я в таком возрасте, когда человеку уже не нужна техника. Я доволен тем, что имею. А теперь является Юсуф или еще кто-то, тащат телевизоры с телефонами, планшеты, еще черт те что... Мне не нужно все это дерьмо.

– Если хотите что-то кому-то подарить, только скажите, – Никола невольно улыбнулся. – Я вам помогу.

– Подарить? Ну нет... Я продаю эти цацки ребятишкам из «Винсента». А мне... мне нужен один хороший спортканал и стерео – музыку слушать. Ну, ты знаешь: Вальтер Азиз, Номан Ханна.

– Понятно... а где... – Никола запнулся. Он не знал, как правильно назвать «штуку».

Габбе не сдвинулся с места.

– Зачем мне снимать видео телефоном? Зачем мне все эти продвинутые игры? Одни нервы... Я уже наелся. С меня хватит. Ты понял?

– Понял, понял. Вам не нужен новый телефон. Вполне можно обойтись и старым.

– Как тебе сказать... внуки все время посылают эти чертовы картинки. Как не посмотреть... Только снимают все что ни попадя – жратву, собственные ногти, одежду, кофейник с кофе...

Габбе отпер дверь в одну из спален. Для этого пришлось выкопать ключ из цветочного горшка.

В комнате никакой мебели, кроме двуспальной кровати и встроенных шкафов. Старик открыл дверцу шкафа. Там в два ряда стояли большие картонные коробки, совершенно одинаковые, с надписью: «Ящик для переезда».

Никола помог вытащить эти ящики. Составили их на полу. Габбе взялся за ручку, которую Никола ни за что бы не заметил – одна из частей деревянной рамы оказалась ручкой. Вот оно что... За задней стенкой гардероба – тайник.

В тот раз было по-другому. Тогда Габбе просто вручил им тяжелый пакет.

Ничего подобного Никола никогда не видел. Если бы его взяли сейчас... он получит такой срок, что выйдет на свободу ровесником Габбе.

На стене висели «штуки». Два «Глока-17», три «АК-5», «калашников», несколько пистолетов «ЗИГ-Зауэр», «Мини-Узи». На полу коробка – то ли с динамитом, то ли с пластидом. И венец всего – какое-то зеленое сооружение, похожее на кусок канализационной трубы с рукояткой.

– А это еще что? – стараясь выглядеть непринужденно, спросил Никола.

– «Карл Густав», – ухмыльнулся Габбе. – Базука. Лучшая в шведской армии. Исак брал у меня такую штуку, когда эти фраера из Стокгольма пытались пустить здесь корни.

Никола знал, о чем идет речь. Два трупа и четыре взорванных машины.

– Я посчитал, тебе будет интересно посмотреть мое хозяйство.

Николу начало тошнить. Он должен взять два пистолета и ничего больше. Никаких базук.

10

Он раньше только один раз был у Эмили. В середине дня. А сейчас, вечером, в квартире творилось черт те что. Одежда брошена на кухонные стулья, точно как у известного дизайнера... забыл фамилию этого жулика. Колготки на полу в холле, а на кухонном столе газеты и журналы вперемешку с хлебными крошками и невымытыми кофейными чашками. Тедди удивился – никогда не думал, что Эмили может допустить у себя в доме такой бардак. Но запах, ее запах, что он отметил в лифте, остался. У Тедди редкостное обоняние: запах человека для него уникален, как ДНК.

Наверное, только что из душа, волосы еще влажные.

– Извини за беспорядок, – сказала она. – Сделала попытку собрать газеты, махнула рукой и засмеялась. – Я в процессе перестройки. Переделываю квартиру.

– Переделываешь? И что будет?

– Я пошутила. Извини. На работе уйма дел, не хватает времени прибраться.

Она выжала тряпку и протерла маленький круглый кухонный стол.

– Что-нибудь выпьешь?

– У тебя виски есть? – Он почувствовал неловкость: не понравилось, как прозвучал вопрос.

– Виски нет. Есть портвейн, коньяк и джин.

– Тогда коньяк.

Эмили залезла на стул и достала бутылку из шкафчика над холодильником. Он обратил внимание, что ногти на ногах не покрашены. Коньяк был не из дорогих, и бокала подходящего у нее не нашлось. Но вкус неплохой. Скованность через пару минут как рукой сняло.

Собственно, почему он должен смущаться? Это, в конце концов, ее предложение – встретиться у нее дома. То, что они не могли встретиться в адвокатуре, понятно. Но почему сын Матса Эмануэльссона назвал его имя? «Попроси Тедди понять». Что он должен понимать?

– Ты можешь зайти ко мне домой? Надо поговорить, – сказала она.

– Последний раз, когда мы виделись, ты была не особенно расположена к разговорам.

– Перестань... что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду лифт в конторе. Несколько недель назад.

– Ты тогда тоже слова не сказал. Но сейчас другое дело. Мы с тобой оказались в одной лодке.

Она права. В одной лодке. Их связал Беньямин. А у Тедди к тому же чудовищный долг перед семьей Эмануэльссон. Вечные угрызения совести.

Он осторожно прислонился к закругленной спинке стула. Стул заскрипел так, будто собрался тут же развалиться под его тяжестью.

– Хорошо... В каком порядке будем говорить?

– О чем ты? Какой порядок? Расскажи мне, в чем дело, а потом помоги – завтра будет решаться вопрос о мере пресечения.

Тедди решил не испытывать прочность стула и подался вперед. Стул, как ему показалось, облегченно крякнул.

Он помолчал, подыскивая нужные слова.

– Я не уверен... мне тоже многое непонятно. Но в любом случае – я знаю больше, чем ты.

Он рассказал о похищении девять лет назад. Рассказал о надзирательнице по имени Сара, которая начала копаться в его деле. Потом Матс Эмануэльссон покончил с собой. Тедди попросил приятеля, Луке Уденссона, разобраться, что же, собственно, произошло. Хакер

Луке в конце концов догадался: у Матса был либо компьютер, либо жесткий диск с фильмами. В общем, кто-то хотел любой ценой помешать их разглашению. Что-то связанное с педофилией, какие-то любители малолетних.

Эмили слушала, не перебивая, и он никак не мог определить, удивлена она или испугана. А может, и то и другое.

Тедди посмотрел на часы – час дня. Почему-то он все время косился на свое неясное отражение в оконном стекле. Темно-русые волосы отросли, после тюрьмы он стригся всего два раза. Толстоватый нос, большие глаза – в отражении они казались еще больше. Темные горизонтальные овалы. В тюрьме ему вырвали зуб, но его недавно заменили имплантатом, который стоил бы ему четырехмесячного оклада в «Лейонс», если бы не покрывался какой-то таинственной страховкой для работников адвокатуры.

Тедди сделал маленький глоток. Коньяк определенно приличный, хоть и недорогой.

– Я не знаю, что хочет Беньямин. Но знаю точно, что я тысячу раз раскаялся в пакости, которую сделал его отцу. И я сказал ему об этом. Так и сказал – я виноват перед твоим отцом. А теперь Беньямина подозревают в убийстве... наверняка как-то связано с Матсом. Иначе он не просил бы меня «понять».

Эмили удивленно подняла голову.

– Что значит – связано? Как?

– Я ничего не знал о Матсе ни до, ни после его самоубийства. Все, что я знаю, – как я его повязал.

Они разложили принесенные Эмили документы. Прокурорское обоснование продолжения содержания подозреваемого под стражей было на редкость кратким. В настоящий момент Беньямин считался задержанным – не больше четырех суток. Чтобы продлить этот срок, требуется решение суда.

Готовый бланк, одна страница.

Представление

– Беньямин Эмануэльссон задержан по подозрению в убийстве или пособничестве в убийстве 15–16 мая в Вермдё.

– Есть риск, что подозреваемый может повлиять на ход следствия путем сокрытия вещественных доказательств или другим путем.

– Для преступлений такого рода законом предусмотрено наказание не менее двух лет тюрьмы, и нет никаких оснований считать задержание безосновательным.

– Важность содержания подозреваемого под стражей в ходе следствия очевидна.

Подозреваемый в соответствии с параграфом RB 24:11 извещен о настоящем представлении через инспектора уголовного розыска Юхана Кульмана.

Материалы, которые прокурор должен представить в обоснование своего представления, отсутствовали.

– Законченный сюр, – пожала плечами Эмили. – Как я могу защищать парня, если у меня нет на руках материалов следствия?

– Добро пожаловать в Швецию, – спокойно сказал Тедди. – Будь уверена – ты получишь их завтра утром, за пять минут до суда. По-другому не бывает.

– Удивительно... Но еще более удивительно: почему они так настаивают на содержании под стражей парня в коме?

А вот это и в самом деле странно. Тедди никогда не слышал ни о чем подобном. Но вполне мог представить ход их рассуждений.

– Не знаю... Может, прокурор считает, что в минуты просветления парень способен решительно повлиять на следствие? Очнулся, повлиял – и опять в кому. Наверное, так. Все же речь идет об убийстве.

Они плутали во тьме. У Эмили вообще не было информации о каких-либо уликах против Беньямина. Сплошные догадки. Может, кто-то еще замешан в этой истории? И какое это имеет значение для Беньямина? Просмотрели все комментарии к параграфу о презумпции невиновности. Тяжесть преступления явно не соответствовала заявленному прокурором сроку – два года. Зацепка для Эмили. Свидетельство, что улики слабоваты. Значит, причин для содержания под стражей нет.

Прокурор утверждает, что причины для задержания есть, – Эмили должна доказать обратное. Как? Без материалов?

– Я же сказал – добро пожаловать в Швецию, – пожал плечами Тедди. – Напишет прокурор, что ты взял напрокат неопознанный летающий объект и похитил короля, – и ты в каталажке. Без обсуждений. Точка.

Неизвестна личность убитого. Неизвестно, что искали криминалисты на месте преступления в Вермдэ. И что нашли.

– Единственная возможность – напирать на непропорциональность меры, – сказал Тедди.

– Ты имеешь в виду, что парень в коме?

– Ну да. О какой пропорциональности речь, когда он даже пописать сам не может.

И дальше: если Эмили потребует комплектации прокурорского представления – в каком порядке? Допущены ли слушатели в суд? Как представить требование? Как уточнить позицию Беньямина?

– Уточнить? – спросил Тедди и долил коньяку – себе и Эмили. – А тебе что-то известно о его позиции? Все же как-то удалось провести допрос?

– Еще как! Следователь Кулльман и я сидели на стульях у его постели. Кулльман задал несколько вопросов. Беньямин не ответил ни на один. Честно говоря, я даже не знаю, признает он преступление или отрицает.

Она включила компьютер. Они сидели плечом к плечу и смотрели на дисплей.

Тедди помог ей составить своего рода тезисы. Какие выражения выбирать, какие вопросы задать прокурору, как их сформулировать.

Мигнули зеленые цифры на микроволновке. Три часа ночи.

Она выключила ноутбук и встала.

– Ну что ж... кое-какая ясность есть. Спасибо за помощь. Ты действительно кой-чему научился, пока мытарился в судебном мире.

Они вышли в прихожую.

– Хорошо бы получилось, – сказал Тедди, надевая башмаки.

Эмили смотрела на него со странным выражением. Иронически? Что в нем смешного?

Он открыл дверь и вышел на площадку. Она остановилась в проеме двери и прислонилась к косяку. В прихожей было темно, и свет из квартиры полыхал в ее волосах как нимб.

– Что? – спросил он.

– Есть еще один вопрос... у тебя нет желания остаться на ночь?

Полицейское управление Стокгольма

Беседа с информатором «Мариной», 11 декабря 2010 года

Вел беседу Йоаким Сунден

Место: Эльвшё-центр

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА 2 (Часть 3)

Запись беседы (продолжение)

М: Мы ехали по городу в «Порше», точно как в тот раз, две недели назад.

Себбе и Максим болтали, будто ничего и не случилось. Конечно же, о футболе.

– Герой, охеренный герой. Вначале взял два мяча от Шевченко в конце дополнительного времени, потом пенальти... ты видел матч? Фанаты «Ливерпуля» так и орали свое «*You'll Never Walk Alone*», хотя на перерыв ушли минус три.

– Спит ли Памела Андерсон на спине! Конечно, видел. Ежи Дудек, когда взял последний пенальти, так и не понял, что «Ливерпуль» выиграл. С ним потом было интервью, я смотрел.

– Я тоже. Ну и вратарь! Что значит славянин! Король! Ноги как спагетти, а реакция!

Мирная беседа двух фанов, воображающих себя экспертами. Но у меня не было сомнений, что со мной стало бы, если бы я отказался с ними ехать. Все время думал о сыне, Беньямине. Тогда ему было двенадцать. 2005 год. Я ни за что не хотел пропустить хотя бы одну утреннюю поездку через всю провинцию, чтобы постоять под холодным дождем у бровки и посмотреть, как его команда проигрывает очередной матч. А малышка? Лиллан тогда исполнилось шесть. Главный интерес – бисер и бумажные самолетики. Часами могла сидеть с этими стеклянными шариками, комбинировала цвет и рисунок... иногда очень удачно. Но если что-то не так – ор на четверть часа, и бисер разлетается по всей комнате. Я обожал эти вспышки гнева, и как мы потом ползали на коленях и собирали бисер по всей комнате.

Забытые Сесилией кофейные чашки на кухонном столе, ее косметика в ванной... вспоминались почему-то эти милые мелочи.

Ни Себбе, ни Максима, казалось, не волновало, что они припарковали «Порше» в ячейке для инвалидов. Загадка решилась просто: к стеклу была прикреплена карточка инвалида с символом кресла-каталки. Себбе ухмыльнулся.

– Будешь умником, достану тебе такую же. Со скидкой.

Мое отделение на седьмом этаже называлось «Бухгалтерский сервис». Я консультировал бухгалтерский учет для мелких и средних предприятий. Консультанты по налогам и финансам работали сутки напролет, а у нас нагрузка была поменьше. В одиннадцать часов вечера в пустынном, преувеличенно открытом конторском пейзаже можно было встретить разве что одинокую уборщицу с тележкой с моющими средствами и разнообразными губками и щетками.

Себбе то и дело вздыхал и постанывал. Среди компьютеров, экранов и конторских кресел он смотрелся примерно так же, как бегемот в плавательном бассейне в Эриксдале.

– Значит, здесь ты и работаешь?

– Каждый день. Но я взял больничный, чтобы собрать тебе бабки.

– Тяжелый случай. И что это за лавочка?

– Обычная контора.

– И чем ты занимаешься?

– Мечтает о настоящей жизни! – заржал Максим. – Они все здесь мечтают о настоящей жизни. Мечтают и дрожат друг другу, потому что настоящей жизни им не видать как своих ушей.

Я провел их к своему столу. Все время косился на дверь лифта – не дай бог, кто-то появится в этот час. Маловероятно, но возможно. И очень скверно. Придется отвечать на вопросы.

– Правда, что ль? – спросил Себбе. – Вы и вправду дрожите друг другу?

– Почти все женаты и с детьми. Остальные женщины, за женщин ручаться не могу.

– Напрягись, ученый! Ты прекрасно понял. Вы имеете не то, что хотите, а то, что можете.

Мне вовсе не хотелось с ним спорить. Лишь бы уйти отсюда поскорее.

Я промолчал.

Себбе вдруг насторожился.

– Что с тобой? В сортир приспичило?

– Нет, нет. Мне надо сосредоточиться, чтобы проверить для тебя эту штуку.

– Но ответить-то ты можешь? Вы имеете, что хотите? Или как? Только не ври. Вы все хотите жить настоящей жизнью, как я или Максим. Вы ненавидите свою работу – сидеть в этом цехе, обсуждать финал «Экспедиции Робинзон», сраные этаноловые тачки и родительские собрания ваших щенков. Вы же хотите жить! Трахать кого захотите. Вы же свободные люди!

Он даже задышал чаще. Но я по-прежнему не знал, что ему ответить.

– Представляетесь счастливыми, а на самом деле – лузеры. И сами это знаете. Вашей жизнью управляет кто-то другой. Зашибись, до чего мне вас жалко.

– Но я же игрок, – наконец нашелся я. – Ты забыл? Я тоже живу особой жизнью. Похожей на вашу.

Себбе уставился на меня. Глаза у него вдруг сделались красными, точно он не спал двое суток.

Нет, подумал я, только не это.

Но он сказал вот что:

– Ты прав, пожалуй.

План был такой: занять деньги у моих клиентов, у тех, чью бухгалтерию я консультировал. Оплата счетов и прочее. Мы называли это «Плюс-пакет». У меня был доступ к их банковским идентификационным пультам, я знал все номера счетов и все довески – IBAN, SWIFT и тому подобное. Но для начала я распечатал... кстати... мы ведь согласились, что я все рассказываю без утайки, но... это не обернется против меня? И имя мое не выплывет? Нет?

ЙС: Не беспокойтесь. Мы не раскрываем своих информаторов.

М: Хорошо... Значит, я распечатал несколько сочиненных мною же счетов. Тщательно их зарегистрировал и перевел около ста тысяч крон из нескольких фирм. На удивление просто. Никто и никогда не станет задавать вопросы. До годового отчета уж точно. Значит, в моем распоряжении как минимум полгода. Я смог бы вернуть деньги, отправив кредитные счета-фактуры от выдуманных поставщиков.

Себбе ходил у меня за спиной, а Максим перегнулся через мое плечо и смотрел на экран. Я стучал пальцами по клавиатуре, и, помню, в голове бухала одна фраза: *«У меня нет выбора. У меня нет выбора»*.

Все заняло не больше получаса.

Мы уже спускались в лифте, когда Себбе впервые за все время улыбнулся.

– Можешь гордиться собой, приятель.

Несколько недель прошли как обычно. Правда, мне пришлось много наверстывать на работе. И в то же время я чувствовал облегчение. Возвращение из ада. Я выплатил долг! И мне не придется больше никогда иметь дело с Себбе и с его подручными. Надо было только выиграть немного, чтобы расплатиться с приятелями.

Как-то мы с Сесилией пошли поужинать в ресторан – приехали ее родители из Умео, так что с детьми было кому остаться. И даже помню, какой: «Король Индии» на Кунгсхольмене. Ресторан этот тогда славился, к тому же близко, а Сесилия обожает индийскую кухню. Я ничего не имел против, хотя знал, что вентиляция у индийского короля – хуже некуда. Когда мы последний раз там были, пришлось пиджак отдавать в чистку. Насквозь пропах чадом от сизларов²⁶. Они их приносят на дымящейся сковороде. Тогда только-только ввели запрет на курение, но дыма у них не меньше, чем в самом прокуренном кабаке.

– Наконец-то мы с тобой пошли куда-то развлечься, – сказала Сесилия, когда мы сели за столик. – Как приятно.

И в самом деле. Я согласился.

Она заказала что-то вегетарианское, не помню название, а я – цыпленка тикка масала²⁷. Мы говорили о детях. Как всегда – о детях. Странно, теперь, когда уже не висел над головой дамоклов меч, я думал о них меньше. Как было бы прекрасно оставить домашние хлопоты и махнуть куда-нибудь с Сесилией... хотя бы на неделю. Походить по музеям, к примеру. Да что угодно, лишь бы сменить обстановку.

Я все поглядывал в окно, смотрел на парк на другой стороне. Весна пять лет назад... вы помните эту весну? Весь февраль шел снег, погода была отвратительная. И в марте, и в апреле – нос на улицу не высунешь. А потом бац! – сразу теплынь. Природа словно опомнилась, все зазеленело буквально за пару дней.

Похоже на мою жизнь.

– Мне звонил этот парень... который отвечает за наши банковские дела, – вдруг сказала Сесилия. – У него есть вопросы.

– О чем?

– Займ на квартиру, накопления... ну, и тому подобное.

Меня затошнило от страха, но я собрался с духом.

– Неужели обязательно обсуждать это именно сегодня? – сказал я.

²⁶ Обжаренные на гриле королевские креветки с овощами в смеси специй, подаются с соусом на основе йогурта и желтого карри.

²⁷ Жареный цыпленок в остром соусе с большим количеством специй.

Настало лето. Несколько недель отпуска. В один прекрасный день, когда мы были на пляже, запел мобильник. Я только что вышел на берег – катался на виндсерфере, доска и парус валялись рядом.

Я знал этот номер. Решил не отвечать.

Через час или около того он позвонил еще раз, на этот раз с неизвестного номера, и я взял трубку.

– Привет, приятель! Это я.

– Что ты хочешь?

Я посмотрел на детей. Лиллан возилась у самой воды. Есть что-то волшебное в этом сочетании – песок и вода. Никогда не надоедает, особенно детям. Бенъямин с приятелем играл на плавучих мостках, они то и дело прыгали в воду и хохотали. Я обожал на все это смотреть, но сейчас мне было не до них.

– Мне нужно, чтобы ты помог мне с одной штукой, – сказал Себбе.

– Я сделал все, что мог. И я больше не играю.

– А вот в это позволь не поверить. Игрок – всегда игрок.

– Нам больше нечего обсуждать.

– Как это нечего? Конечно, есть! Я же сказал – мне нужна твоя помощь.

– В чем?

– Мелочи... *диттен ок даттен*²⁸, как говорят шведанки. Можешь завтра подойти к «Кларе»²⁹? Знаешь, где это?

– Знаю, но я не в Стокгольме. У меня отпуск, я на даче. И я вообще не хочу с тобой встречаться. Надеюсь, ты понимаешь почему.

– Слушай, приятель, что за скучное настроение? Поссорился с кем-то в твоей летней резиденции, или как ты ее там называешь? Но если ты будешь упрямиться, мне придется, увы, сообщить твоему симпатичному работодателю, чем ты занимался несколько недель назад. Такое уж у меня правило в этом мире – всегда желательно иметь крючок на приятеля. А тебе не повезло. У тебя в заднице не крючок, а толстый железный крюк.

Я посмотрел на Сесилию и детей. Соседи тоже постелили пледы – кто на траве, кто прямо на песке. Интересно, что бы они подумали обо мне, если бы знали?

...«Клара» – не мой тип ресторана. Когда мы с товарищами по работе решали попить пива, мы шли в «О’Лири» или в «Боллбрейкер»... в Стокгольме полно мест, стилизованных в английском духе. С грубыми деревянными столиками и телевизором в полстены. Между прочим, это не такая глупая штука – телевизор. Особенно если транслируют футбол. Люди комментируют происходящее и начинают общаться свободно и легко.

В «Кларе» тоже были экраны, но они показывали рекламу фирменных напитков. Запотевшие стаканы, роскошно сверкающие кубики льда, ярко-зеленые листочки мяты.

Мы прошли через зал. Черный пол выглядел пыльным, а освещение только усиливало это впечатление. Красные стулья притворно-преклонного возраста в пятнах. Единственное, что хорошо, – стойка бара. Огромная, не меньше двенадцати метров. Бутылки на стеклянных полках подсвечены сзади и выглядят, как драгоценные камни. В одном углу – конкурс на самое

²⁸ То да се... (*шв.*)

²⁹ Ресторан в Старом городе.

большое количество вариантов одного и того же напитка: разнообразные водки «Абсолют» – «Черная смородина», «Персик», «Мандарин», «Ваниль» и что-то еще.

Себбе провел меня через весь зал. В глубине зала обнаружилась черная глухая дверь. Он набрал код, и мы оказались в типичном офисе. Большой письменный стол, ноутбуки, пластиковые конверты, дыроколы, ручки и калькуляторы. Помимо этого: пустые пивные бокалы, бутылки с «Рамлёсой»³⁰, и совсем уж неожиданно – два кастета.

На стенах – фотографии и разнообразные дипломы. Представительный мужчина и женщина – снимки, сделанные в путешествиях. Ребенок. Фотографии более или менее престижных автомобилей. Дипломы самые разнообразные: второй дан в карате, звание «Бар года», присужденное каким-то сайтом, рейтинг кредитоспособности ААА. «Золотой дракон».

На других фотографиях тот же самый примерный отец обнимает различных знаменитостей: Джо Лаберо, Микаэль Персбрандт³¹, принцесса Мадлен, Мадонна.

За столом сидела и курила молодая женщина, не больше двадцати пяти. Крашеная блондинка, карие глаза и неправдоподобно большая грудь.

Себбе поцеловал ее в щечку.

– Познакомься – Микаэла. Она будет тебе помогать.

Женщина затаилась сигаретой и выпустила дым из носа двумя параллельными, похожими на бивни струйками.

Я отвел взгляд от красавицы и повернулся к Себбе.

– А в чем мне надо помогать?

Он небрежно смахнул бумаги с кресла и сел.

– Надеюсь, ты не притащил с собой телефон из своей деревни?

– Почему? Телефон у меня.

– Вот что... Тогда второе правило: здесь никаких личных телефонов быть не должно. Никаких.

– Почему?

– Скоро поймешь. Сейчас все везде прослушивают...

Он протянул руку, и я передал ему мобильник. Он ловко отщелкнул заднюю крышку и вытряхнул аккумулятор.

– Все очень просто, Матте. Ты парень умный. Я тебе, может, и не нравлюсь, но к тебе я всегда хорошо относился. Хочу, чтобы ты нам помог в одном дельце.

– Дельце?

– Именно так. В дельце.

– Что за дельце?

– Собственно, беспокоиться вам не о чем, – неожиданно вступила в разговор Микаэла. – Ваша помощь нужна не «нам», а мне. Я работаю с этим уже несколько лет, сразу после гимназии. Деньги... транзакции, переводы... ну, вы знаете. Как обычно. Вы же именно этим занимаетесь? Траншами?

– Себбе! – сказал я как можно более жестко. – Это перебор. Я расплатился до последней кроны и ничем тебе не обязан.

³⁰ Популярная минеральная вода.

³¹ Джо Лаберо – шведский иллюзионист, Микаэль Персбрандт – популярный актер театра и кино.

И Себбе взял сигарету – я первый раз видел его курящим. Он глубоко и с явным удовольствием затянулся и тихо сказал:

– Ты же знаешь мои условия.

И пустил струю дыма мне в лицо.

11

Четыре часа дня. Игровой клуб на Стургатан в это время дня обычно закрыт, но не в этот день. Особый случай. Стрелка.

Никола и Хамон в вестибюле. Хамон – со списком приглашенных, Никола – с металлоискателем. У обоих под пиджаками спрятаны пистолеты. Список приглашенных. Больше для понта – кроме Исака всего восемь человек, и эти восемь и Николе, и Хамону хорошо известны. Но Исак велел обставить дело солидно и профессионально. Велел сохранять вежливость, надеть сорочку с галстуком и пиджак. И всех проверять по списку, как на международной дипломатической конференции.

Первым пришли Данни Бар-Сауме и его младший брат Кристиан. У Кристиана прозвище Лил-Грилл, Малыш Грилл, но этот Лил-Грилл – величиной с «Рендж-Ровер». Двое горилл задержались на несколько секунд на улице, убедились, что ничего тревожного не происходит, и вошли за ними. Так решил Исак – вторая группа должна прийти через четверть часа после первой. Не хватало только разборок на улице.

– Я попрошу вас раздвинуть ноги и поднять руки, – сказал Никола четко и спокойно, как только мог.

Он провел детектором по рукам и ногам, по спине и животу, по плечам. Наверное, им это знакомо: в тюрьмах такая процедура чуть ли не каждый день. И все равно – в воздухе, как знобящая изморозь, висела опасность. С этими парнями шутки плохи.

Но Исак предупредил. Они знают, о чем идет речь.

Что-то пискнуло в заднем кармане джинсов Данни. Никола заметил, как вытянулся и напрягся Хамон, как замерли гориллы.

Юсуф сказал определенно и внушительно: действуют правила Исака. «Явитесь в четыре ноль-ноль, никаких металлических предметов, включая мобильники. Мне не нужны разборки с пальбой, приходите сами по себе, как мужчины».

Исак не признавал компромиссов, потому и пользовался всеобщим уважением.

И вот оно: карман Данни. Пронзительный писк. Что-то металлическое. Что у него там? Да что угодно.

А дальше?

Метим медленным, как в рапиде, движением сунул руку в карман джинсов. Он усмехался, но глаза его были мертвы.

Никола нащупал пистолет в кобуре под пиджаком. Утром они с Хамоном пробовали «Глоки». Он, должно быть, навсегда запомнит отдачу: мощные, неживые толчки. Стеля, он следовал инструкциям Хамона: рукоятку держать обеими руками, большой палец левой руки лежит на большом пальце правой.

Данни замер и шумно задышал носом.

Лил-Грилл двинулся к Николе. Это не предусмотрено.

Они что-то готовят. О, дьявол! Никола даже представить не мог, что ему когда-нибудь придется стрелять в живого человека. И что будет, если Данни наметил именно его?

Металл пистолета охлаждал руку. У Хамона по лбу катились крупные капли пота.

Никола вспомнил предупреждение Симона-суки-Мюррея.

Не ходи туда, Никола. Не ходи.

Хамон отступил на шаг и тоже сунул руку за полу пиджака.

Не спускать глаз. Поймать малейшее подозрительное движение.

В вестибюле внезапно запахло потом.

Ничего удивительного.

Напряжение в комнате – тысяча мегавольт.

Перед мысленным взором промелькнули сцены из голливудских боевиков. И даже не из боевиков: Хамон застрелил того парня в лесу. Не понарошку.

Стоп! Данни ухмыльнулся:

– Надо же где-то держать кэш, – подмигнул он и вытащил из кармана серебряный зажим для ассигнаций. Не меньше двадцати бумажек по пятьсот крон каждая.

Никола мысленно выдохнул и расслабился.

– Красненькие³² сунь в карман, а зажим оставь нам, – важно произнес Хамон. – Исак ясно сказал – никакого металла. Детектор должен молчать, как сломанный телефон.

Данни улыбнулся еще шире.

– Почище, чем бункер в Кумле³³.

– Точно. Как на киче. А теперь попрошу снять штаны и встать раком.

Данни Бар-Сауме дернулся.

– Шутка, – улыбнулся Хамон.

Никола отвернулся. Откуда у Хамона такая отвага? Вот бы...

Через двадцать минут: все на месте.

Метим со своими амбалами явился точно – в четыре пятнадцать.

Игорные столы сдвинули к стене, стулья поставили буквой П.

Никола сразу вспомнил душеспасительные беседы в Спиллерсбуде. Обязательная молотилка: что-мне-надо-сделать-чтобы-измениться-к-лучшему.

«Я иногда неадекватно реагирую, но теперь дело идет...»

«Я начал немного понимать сам себя. Мне приходилось несладко порой, но у меня никакого права вымещать досаду на других...»

Все пацаны знали, как изобразить ангельскую физиономию. Все знали, как послатче преподнести эту бессмыслицу. И ржали потом от души.

– Добро пожаловать, – сказал Исак.

И они начали разговор. С такой скоростью, что Никола половину не понимал, тем более что речь шла о каких-то совершенно незнакомых людях. С другой стороны – а почему он должен понимать? Он всего-навсего ассистент ассистента. И вообще – невероятно! Невероятно, что ему позволили присутствовать. Сирийской крови у него меньше, чем у... типа, у короля. И он выпал из игры больше чем на год. Но Юсуф – человек Исака, Юсуф доверяет Хамону, а Хамон доверяет Николе. Вместе выросли. Твои друзья – мои друзья. Враги друга – твои враги.

Они были солдатами одной армии.

Братья по крови.

Стрелка, или суд, как они его называли, была очень важна. Конфликт между двумя ведущими семьями должен быть улажен. Началось со ссоры кузенов. Пару месяцев назад двоюродный брат Метима и двоюродный брат Данни зашли в «Дворец кебаба» перекусить. В очереди началась ссора: один оскорбил мать другого, в ответ на что тот залепил ему в лоб бутылкой «Хайнекена». Через два дня по химчистке, принадлежащей отцу одного из участников ссоры, дяде Данни, из проезжающей машины открыли стрельбу – не меньше двадцати выстрелов из скорострельного карабина. Некоторые пули застряли в стенке с другой стороны зала. Несколько раненых. Чудо, что никто не погиб. Через неделю парень в

³² Ассигнация в пятьсот крон имеет красноватый цвет.

³³ Следственный изолятор в Стокгольме.

маске ворвался в ресторан, где обедал кузен Метима, и выпустил четыре пули. Три попадания: в пах, колено и бедро. Парню суждено сидеть в каталке до конца жизни.

Полиция разводила руками – ума не приложить, что с этим делать. Этот городок жил по своим правилам. Лишь бы не было настоящей войны. Хотя что называть войной. Если в ходу пистолеты и «калаши», разве это не война?

Обратились в церковь. Сирийцы иногда так и поступали – православная церковь в Сёдертелье пользовалась большим авторитетом и вполне могла посредничать в конфликте. Это сильное средство, но в данном случае пользы было мало. Семья Данни – ассирийцы, а это совсем другая религия. Не успел священник предложить решение, как Данни и его окружение встали и вышли из церкви.

Это было оскорбление. Метим ругался на чем свет стоит, рычал, что эти богохульники даже Иисуса не уважают.

Какие с ними разговоры? Даже Иисуса не уважают.

Сплетни в городе гуляли почище, чем после тройного убийства несколько лет назад. Люди перестали по вечерам выходить из дому, родители забирали детишек в садах и чуть не бегом мчались домой. Химчистку пришлось закрыть: никто не хотел получить назад кашемировое пальто с дырками от «калаша».

С этим надо было кончать. И выход только один. Чтобы не перебить друг друга окончательно, решили обратиться к Мистеру Первому. Пусть он решит проблему. Фактически именно он в городе хозяин.

Так поступают *настоящие* пацаны. Это был *их* суд. Суд Исака.

У Метима глубокий, чуть надтреснутый бас. Он держался надменно, и у него были на то основания. Его боялись, наверное, больше, чем Исака. Чересчур короткий запал. С другой стороны, Метим знал, что надо идти на уступки. Ведь это его кузен назвал мать противника *шармуттой* – проституткой.

– Он был неправ, нечего и говорить. И я с ним поговорил серьезно. Но надо было решать через меня. А он в результате получил сотрясение мозга, две недели провалялся в больнице и получил трехдюймовый шрам на башке. Башмаки не может завязать – что-то там у него не так с равновесием.

По комнате прыгают солнечные зайчики. Каждому дано десять минут на изложение своей позиции. Исака сидит неподвижно, как восковая кукла, и внимательно слушает.

Эти люди готовы разmozжить череп любому, если им покажется, что их «не уважают». Они всегда ставили знак равенства между понятиями «боятся» и «уважают». Но сейчас сидели тихо, как боевые псы на привязи.

Еще раз проследили цепь событий. Обсудили раны и убытки. Метим требовал возмещения. Данни тоже требовал возмещения.

И все хотят получить долг от Крюка.

Крюк. Получил прозвище из-за необыкновенно длинного, причудливо изогнутого носа. Игрок. Покер, блэкджек, рулетка – все что угодно. Скачки и бега. Постоянно торчал на Хурнsgатан в лотерейном закутке. Но последние годы ему не везло, он задолжал направо и налево миллионы крон. Даже Никола знал человек восемь, которым он был должен. И именно он был в наибольшей безопасности. Никто не решался его проучить, потому что остальные спускают всех собак – у многих еще теплилась надежда, что Крюк начнет отдавать долги.

Никола с пацанами говорили:

– Неприкосновенен, как Крюк. Жизнь спокойнее, чем у Крюка, и придумать трудно.

Через час суд закончился. В ожидании решения Метим со своей командой вышел на улицу. Данни – во двор, через заднюю дверь за буфетом.

Исака остался один. Хамон и Никола так и стояли у стены.

– Подойдите, – сказал Исак.

Темные круги под глазами, как синяки. Только случайный солнечный зайчик из окна оживляет лицо.

– Слушали? Поняли?

Хамон разлепил пересохшие губы.

– Пытался понять, – сказал он по-шведски. – Думаю, они неправы.

– Кто?

– Ну... не они. Он. Тот, кто хрястнул его бутылкой.

– Может быть. С другой стороны, по какому праву те начали истреблять его семью? Дядя, тетя, двое детей и два уж вообще ни в чем не повинных заказчика в химчистке? Слава богу, все живы.

– Тоже неправы. Но ведь он чуть на расколол ему череп этой бутылкой. А ты, Никола? С югославской точки зрения?

Никола надеялся, что Исак не станет спрашивать.

Он попытался прочистить горло, но чуть не закашлялся. Издал булькающий звук.

– Я думаю... – Он опять кашлянул. – Думаю, и те и другие неправы.

– Это твоя точка зрения?

Никола сцепил руки за спиной, чтобы не дрожали.

– Думаю, да.

– Не надо думать, Никола. Надо знать. Если ты уверен в чем-то, никогда не отступай. Держись своего мнения.

Исак дружелюбно кивнул.

И не сказал больше ни слова. Погрузился в размышления.

Велел позвать обе стороны.

Молча расселись по стульям.

Никола и Хамон боялись не то чтобы что-то сказать – не решались даже шевельнуться, чтобы не мешать. Золотые часы на руке Исака сверкали как маленькое солнце. Поговаривали, что это Audemars Piguet Royal Oak Offshore, не меньше двух лимонов. А так – свитерок «Найк», спортивные брюки «Адидас» с тремя полосками. Чем мягче одежда, тем круче хозяин.

Наконец Исак поднял голову.

– Я принял решение.

Данни сверлил Исака глазами.

– Нам и так нелегко приходится в этом городе. Вы знаете, о чем я говорю. Этот их траханный проект «Гиппогриф»... свиньи то и дело останавливают наши машины, бесконечные налоговые инспекции чуть не в каждой нашей фирме, миграционное управление то и дело наезжает на наши семьи. Бесконечные проверки в наших кабаках. Это их стратегия – *go for the money*. Следуй за деньгами. Так в свое время взяли Аль Капоне, вы все это прекрасно знаете. Бухгалтерское законодательство, налоговое законодательство, хронологическое законодательство, стукачи, информаторы... они не могут взять нас на чем-то серьезном и придираются по мелочам, как старые бабы. Но как бы там ни было, нам такой базар не нужен. Здесь не Мальмё. А вы ведете себя, как дебилы.

Исак слегка повернулся на стуле и посмотрел на Метима.

– Я говорю обоим. У нас есть правила, которые важнее всех снютов. Которые помогают нам выстоять. И твой кузен знает эти правила и знал их три недели назад. Потому что мы все знаем, как себя вести.

Николе показалось, что он начинает понимать логику Исака.

– И ты знаешь эти правила, и твои кузены знают. Это наша история. Политики и журналисты могут базарить сколько хотят, но мы должны соблюдать принципы. Ты знаешь, мы

выжили благодаря верности нашим принципам. Тысячелетия. И вы, все остальные, тоже это знаете. Мы построили цивилизацию, которую Европа у нас открыстничала. И мне насрать с высокой колокольни, как вы себя называете: сирийцы, ассирийцы, армяне или халдеи. Помните только, что, пока европейцы бегали по лесам и колотили друг друга деревянными дубинками по черепах, мы создали математику. Пока они насиловали женщин и детей, мы развивали астрономию. И только благодаря нашим принципам мы еще существуем. Наша главная религия – не религия, а принципы.

Исак опять повернулся на стуле. Теперь он обращался ко всем.

– Мы уважаем женщин и детей. Это, считайте, одно из главных правил. Если кто-то сказал что-то про чью-то жену, дочь, мать, он нарушил правило. Правило! – повторил он с большой буквы. – И что это значит? В нашем случае это значит вот что: тот, кто взялся за бутылку, действовал правильно. Более того, это был его долг – вступить за честь матери. А дальше было все, как было. А было так потому, что он оскорбил женщину. Оскорбил мать. Перешел границу. Вы поняли?

Никола понял.

– Мой приговор такой, – продолжил Исак. – Твой кузен, Метим, должен выплатить семье Данни компенсацию. Триста тысяч крон.

Все сидели, полуоткрыв рты от напряжения. Солнце ушло, и с ним убежали солнечные зайчики. Сразу стало неуютно и сумрачно. Лица казались серыми и болезненными.

В глубине души все знали, что Исак прав.

И опять – он сильно вспотел. Одна надежда – никто не заметит. Напряжение последних часов было почти невыносимым. Но каков Исак! Как он образцово разрулил эту историю!

Теперь ребята Данни ждут компенсации. Метим уже послал гонцов за деньгами. Один уже явился. Постучал в двери условным стуком: один длинный, четыре коротких. У Исака в руках пакет с кэшем. Ждет, когда соберется сумма, чтобы передать Данни.

Несколько минут, сказал Метим.

В дверь постучали.

Один раз, потом четыре коротких удара.

Исак кивнул Николе – иди открой.

И Метимовы гориллы, и парни Данни пользовались только этим сигналом.

Длинный, четыре коротких. Никола отодвинул засов.

И еле успел увернуться – дверь с грохотом отворилась. Он не успел их остановить. Даже если б успел – не смог бы. Два парня в балаклавах с автоматами. Никола даже не успел разглядеть, что за оружие.

Он бросился на пол и услышал, как Исак что-то крикнул.

Парни влетели в комнату. Он услышал стрельбу. Кто-то взвыл.

Выстрелы отдались в ушах неправдоподобным грохотом, будто обрушился дом.

Он поднял голову. Надо что-то делать.

Он вытащил из кобуры пистолет и встал.

Пахло порохом.

Никола вытянул руки с пистолетом перед собой. Руки напряжены до дрожи. Не только руки – все тело бьет дрожь.

Что там происходит? Массовое побоище? Он должен помочь Исаку и Хамону...

Он изнемогал от страха.

Заглянул в комнату. Два выстрела. Один из горилл застонал – пуля угодила ему в бедро, и он сполз на пол.

– Руки за голову! – истерически орал один из налетчиков. – Быстро!

Другой прижал дуло своего «калаша» к виску Исака.

– Давай пакет.

– Пакет не для вас, – спокойно сказал Исаак. – Это во-первых. А во-вторых... только у блядей рождаются такие отморозки.

Наступила плотная, густая тишина. Пробиться – разве что с мачете.

Никола подскочил к парню, угрожавшему Исаку, и прижал свой «глок» к его спине.

Большая и несложная мишень. Второй направил свой автомат на Николу.

И что? Легкое нажатие на спусковой крючок. Больше ничего не надо. Один выстрел. Он же тренировался с Хамоном в лесу.

Это необходимая самооборона. Они уже ранили одного. Они угрожают Исаку. Угрожают всем.

Ничего противозаконного. Необходимая самооборона.

Он должен стрелять – и все же не решается на последнее, смертоносное движение.

Легкое нажатие – и все.

Почему-то ему вспомнился дед: картинка, застрявшая на сетчатке, – дед со свечой в память бабушки.

– Нико, кончай его! – крикнул Хамон.

Никола начал жать на крючок. Медленно-медленно... до чего же странное чувство.

– Стреляй же, мать твою! – Хамон сорвался на истерику.

Никола чуть отступил и повернулся ко второму.

– Одно движение – и я раздроблю череп твоему приятелю. Брось оружие.

Ничего не произошло.

Тупик.

Никола почувствовал, что его сейчас вырвет.

Он прижал пистолет сильнее.

И! Металлический грохот: второй налетчик бросил свой «калаш» на пол.

Никола повернулся к нему, но было уже поздно: оба грабителя метнулись к дверям.

Он начал стрелять.

Бум-бум.

Никола опустил оружие. Не в кого стрелять: оба парня вырвались на улицу.

Он посмотрел вниз: левая штанина потемнела. Он обмочился.

Часть II

Май – июнь

12

Лестница в доме, где жила Сесилия Эмануэльссон, пахла необычно. Запах пятидесятих, возможно. Или пыль. Деревянные перила. Пол, похоже, гранитный. Люки мусоропровода на этажах заварены наглухо. Когда Тедди сел, мусоропроводы еще работали. Интересно, как жители Стокгольма решают эту проблему? Сам он выносил мусор в контейнер, по неизвестной причине прописанный на постоянное жительство недалеко от его парадной в Альбю.

Сесилия Эмануэльссон. Они с Эмили решили ее навестить. Эмили – чтобы задать необходимые вопросы, Тедди – попробовать выяснить, что именно просил «понять» Беньямин.

Позавчера Эмили его удивила. Оказывается, где-то в глубине ее души живет совсем другое существо, вовсе не сухая и деловая, делающая карьеру женщина.

– Вообще-то мне надо домой, – сказал он в ответ на ее предложение остаться.

Эмили неожиданно подмигнула.

– Да-да... уже поздно... мягко говоря. Тем более завтра суд. Но мне кажется, идея неплоха.

Тедди не знал, что сказать. Переминался с ноги на ногу.

Она улыбалась.

В конце концов он сказал вот что:

– Нет-нет, мне надо домой.

Дом Сесилии на Бреннчюркогатан. Сёдермальм. Эмили позвонила заранее и рассказала, в каком состоянии ее сын, что он выразил желание, чтобы к его делу подключили Найдана «Тедди» Максумича.

Но все равно – Сесилия попросила, чтобы, когда она откроет дверь, на пороге стояла только Эмили. Тедди понимал ее осторожность – кому и понимать, как не ему... Он стоял на один пролет ниже. Сесилия его видела, но на шестиметровом расстоянии.

– Тот пусть тоже зайдет, – сказала она после секундного размышления.

Очень тонкая, держится прямо. Прерывистые, как у робота, движения.

Эмили не стала снимать обувь, и Тедди последовал ее примеру. На улице сухо и чисто.

– Я очень вам сочувствую, – сказала Эмили, пожимая ей руку. – То, что случилось, просто ужасно.

Сесилия выслушала ее с каменным лицом, но через несколько секунд опустила голову и начала тихо, почти неслышно плакать.

– Я ничего... ничего не понимаю, – повторяла она сквозь слезы.

И ни слова больше. «Ничего не понимаю»...

Эмили положила руку на ее предплечье.

– Давайте присядем где-нибудь.

Они прошли в кухню. Здесь царил клиническая чистота – в отличие от квартиры Эмили. Раковина и смеситель сверкают, будто Сесилия полирует их с утра до ночи. Деревянный стол выглядит только что ошкуренным, растения в горшках на подоконнике стоят в военном порядке, расстояние отмерено до сантиметра. Рядом аккуратной стопкой сложены какие-то брошюры. Наверное, инструкции по уходу за цветами – иначе не выглядели бы так образцово. Никаких старых пакетов, тем более хлебных крошек. Ни вилок, ни ножей,

ни чашек. Тедди присмотрелся – в заливавшем кухню ярком весеннем свете он не увидел ни единой пылинки. Единственное, что придавало кухне жилой вид, – небольшой черный крест на стене над столом.

Они присели. Через несколько минут Сесилия успокоилась, вытерла глаза таким жестом, будто собиралась их вынуть и просушить салфеткой.

– Что-нибудь попить?

Эмили поблагодарила.

– Да, кофе. Если не сложно.

Тедди было очень не по себе. Он отказался.

– Значит, Беньямин сам попросил вас быть его адвокатом?

– Беньямин сказал всего несколько слов, и я думаю, вряд ли осознает, где он и что происходит. Но вы правы – он пожелал, чтобы я его защищала. Думаю... вернее, догадываюсь – потому что я раньше работала с Тедди.

Сесилия, повернувшись к ним спиной, возилась с кофеваркой. Тедди обратил внимание: тапки на ней из тех, что бесплатно выдают в отелях.

– И я обязана сказать, что прокурор Рёлен дала мне разрешение посетить вас и поговорить о состоянии Беньямина, но ни в коем случае не обсуждать ход следствия.

– И каково его состояние? – безжизненным голосом спросила Сесилия.

Эмили могла только поделиться информацией, полученной от персонала в тюремной больнице. Еще раз подчеркнула, что Беньямин спросил о Тедди. Попросил понять.

– Может быть, вы знаете, что он имел в виду?

– Откуда мне знать?

Кофеварка заворчала и забулькала. Сразу запахло кофе.

– Вы должны знать – мы боролись, – сказала Сесилия, доставая чашки из шкафчика. – И теперь вот это...

Она словно замерла – стояла спиной к ним с кофейником в руке и не двигалась. Тедди так и не понял, что она имела в виду: как она и дети восприняли самоубийство Матса? Или как пережили его похищение? А может, как они с Матсом старались спасти брак?

– Э-э-э... если можно, немного молока, – сказала Эмили, чтобы прервать внезапный ступор.

Через несколько секунд Сесилия вздрогнула, словно проснулась, и открыла холодильник. Продукты на полках тоже расставлены в строгом военном порядке.

– Расскажите, – попросила Сесилия. – Почему его подозревают? Что все это значит?

– Я уже сказала – не имею права вдаваться в детали следствия. Засекречено. Единственное, что могу сказать, что он под арестом по подозрению в убийстве.

Сесилия закрыла руками лицо. Тедди не понял – если она и плакала, то совершенно беззвучно.

Кофеварка продолжала булькать.

– Мой сын – никакой не убийца. Я не понимаю. Кто убит?

– Этого мы не знаем.

– А какие улики у прокурора?

Следующие пятнадцать минут Эмили, прихлебывая кофе, разъясняла Сесилии тонкости следствия и судебных процедур. Беньямин может довольно долго находиться под арестом. Что значат ограничения, что понимать под изоляцией. Ему двадцать один, он достиг совершеннолетия, поэтому может грозить пожизненное заключение. Но поскольку он сам пострадал в автомобильной аварии, скорее всего, эта высшая мера применена не будет. При этом она не касалась так называемых доказательных улик. Не сказала, на чем основаны подозрения.

Тедди покосился на верхнюю брошюру в стопке. Там был изображен горный пейзаж. Цвета яркие, наверняка усилены в фотошопе. Наверху написано: «Бывают паломничества до и после. Шведская церковь».

Сесилия слушала, не шевельнувшись. Интересно, что она думает? И что она знает?

– Что-нибудь еще хотите спросить?

Сесилия встала и отнесла чашки на мойку.

– Нет... наверное, ничего. Но обязательно позвоните мне, если случится что-то важное.

Эмили тоже встала. У Тедди пересохло во рту. Как начать? У него из головы не выходила сцена девятилетней давности. Как они с Деяном скрутили и похитили Матса... Он физически ощутил тяжесть брыкающегося тела.

– Тедди? – вывела его из задумчивости Эмили. – Ты же тоже хотел задать несколько вопросов.

Он прокашлялся и облизал губы.

– Да... Бенъямин пожелал, чтобы я тоже... принял участие...

Он с опаской посмотрел на Сесилию. Нет... она не выказывала никаких признаков гнева или раздражения. Ее лицо по-прежнему не выражало ничего, кроме бесконечного горя.

– Но у него же есть адвокат, – наконец сказала она. – Разве этого не достаточно?

– Для меня – нет. Недостаточно. Почему-то он попросил меня понять... что-то. Не знаю, что именно я должен понять, но помочь ему всем, что в моих силах, я обязан.

Сесилия опять присела за стол.

– Что случилось, когда они вам позвонили и сказали, что Матс... похищен? – последнее слово он выговорил с трудом.

– И какое это имеет отношение к тому, что Бенъямина подозревают в убийстве?

– Не знаю, – честно признался Тедди. – Но, может быть...

– Если у кого-то и есть подробные сведения о похищении, то у кого же, как не у вас.

– Может быть... но я все же спрашиваю. Что они хотели?

– Что хотели? – горько усмехнулась Сесилия. – Что хотят в таких случаях? Деньги! Потребовали выкуп.

Интересно – она врет сознательно или Луке где-то ошибся? Или вообще не врет? Во время суда над Тедди и она, и Матс в один голос утверждали, что похитители требовали с них денег. Нормальный человек вряд ли может так последовательно врать.

Ну, хорошо.

– Дело вот в чем... я тоже так думал. Но мне удалось узнать, что речь шла не о деньгах, Сесилия. Думаю, и вы знаете, что за выкуп они хотели получить за Матса.

Она отвернулась и посмотрела на стену соседнего дома. За окном щебетали птицы. По улице проехало что-то большое, скорее всего, автобус.

– Сесилия?

– Птицы... красиво, правда?

Она медленно положила руки на стол.

– Да... знаю. Они хотели его компьютер. Но по-прежнему не понимаю, как это связано с Бенъямином.

– А почему вы не сказал про компьютер на суде?

– На суде?.. Я могу сказать только одно: мой бывший муж заплатил чудовищную цену за то, чтобы вы получили этот проклятый компьютер. Но все, что в нем было... все это не имело к Матсу никакого отношения.

– Откуда вы знаете?

– Знаю. Мне больше нечего сказать.

Сесилия встала. Жест недвусмысленный – им пора уходить. Вопросы Тедди, очевидно, вывели ее из равновесия, если вообще к ней применимо это слово. Равновесие волчка. Перестанет крутиться – упадет.

И все-таки он должен понять. Бенъямин же попросил его – понять.

– Когда вы развелись?

– Через пару лет после похищения.

– Почему?

– Ну... стало трудно жить вместе. Почему вы спрашиваете?

– Потому что вы тоже замешаны в эту историю.

– С какой стороны?

– Со стороны Бенъямина. Бенъямин хочет, чтобы я понял.

– И все же не понимаю. Какая связь?

– И я не понимаю. Пока. Почему вы развелись?

– Если вы так настаиваете... он очень изменился. Это был не тот Матс, за которого я выходила замуж. И...

– И?

– Думаю, у него была другая женщина.

– И вы знаете кто?

– Нет, не знаю. И я же не сказала «была другая женщина», я сказала «думаю, что была».

Но у меня возникали подозрения.

– Он ничего не рассказывал? И вы не спрашивали?

– В последнее время с ним было очень трудно разговаривать. Но я его не обвиняю.

– В чем?

– Матс – это Матс. Я очень любила его, пока... пока не перестала любить. Я была очень наивна, только в последние годы начала соображать, что к чему.

– Что вы имеете в виду?

– Что я имею в виду? Матс был игрок. Сейчас модно писать и говорить о женах алкоголиков и наркоманов, детях алкоголиков и наркоманов. Что они якобы прямо или косвенно вовлекаются в эту зависимость. А я была вовлечена в зависимость от его неутолимой страсти к игре. Неутолимой и непреодолимой. И к чему это привело... Весь этот многолетний самообман...

А вот это для Тедди была новость. Сара никогда и ничего не говорила, и Луке тоже.

– А во что он играл?

– Во все. Но в основном в покер.

– Он играл на деньги?

Сесилия опять отвернулась к окну.

– На деньги? Еще на какие... Игра определяла нашу жизнь, только я этого долго не понимала. Он жил двойной жизнью. Но сейчас Матс мертв, и настало время прощать. И еще... Матс и дети. Между ними была особая связь, он обожал детей. Замечательный отец. Если быть честной, лучший отец, какого только может пожелать мать своим детям.

Сесилия замолчала. По выражению ее лица было понятно, что она сказала все, что знала.

Но у Тедди вопросы не кончались.

– Как он покончил с собой? – спросил он с трудом.

Сесилия отошла к рабочему столу и начала натирать и без того сверкающую мойку.

– Утопился. Прыгнул в море с борта финского парома. Страшная смерть. Но причина мне неизвестна. Мы уже не жили вместе. Единственное, что я знаю, – с ним было не все в порядке. Для меня это очевидно.

– В каком смысле – не в порядке?

– Депрессия. Нетрудно понять, если вспомнить, что вы с ним сделали. Он даже лежал в больнице.

Ее слова резали Тедди. Наверное, это правда. Матс так и не сумел прийти в себя после похищения. Тедди пожалел, что явился сюда. Но раз взялся – значит, взялся.

– А у вас... я имею в виду у всех: у вас, у Беньямина, у Лиллан – осталось что-то из его вещей?

Сесилия вышла и через пять минут вернулась с пакетом.

– Лежал в комнате у Беньямина. Много лет. Полиция не взяла почему-то.

Тедди выложил содержимое на стол. Эмили под села поближе. Наручные часы, несколько маленьких фотографий, лист бумаги А5, записки, колода карт.

На первом снимке вся семья. Сесилия, Матс, Беньямин и Лиллан. Наверняка больше десяти лет назад – Беньямину лет десять-двенадцать. На пляже. Все в купальных костюмах. Матс улыбается, но лицо грустное.

– Глаза не смеются, – шепнула Эмили. – Правда?

– Не знаю... трудно судить по фотографии.

Лист бумаги вырван из блокнота. Красивый, тщательный почерк.

«Не обвиняйте меня в том, что случилось. Будьте сильнее, чем я. Мое решение не связано ни с разводом, ни с нашими отношениями с мамой. Я очень вас люблю. Папа».

Прощальные строки... Тедди попытался прикинуть, что значит эта записка, но, собственно, что тут прикидывать – и так все ясно.

– А это что? – Эмили протянула ему другой снимок.

Снова вся семья, только еще раньше. Беньямину лет семь. Матс, Сесилия и Лиллан в слинге на животе у матери. Стоят на поросшем мхом валуне. Матс с гордостью держит на вытянутой руке корзинку, полную грибов.

Тедди долго смотрел на фотографию. Один глаз у Матса продырявлен.

На улице они остановились.

– Увидимся вечером? – спросил Тедди.

Она вытащила мобильник и начала тыкать пальцем в экран.

– Работы в конторе – до и больше. А потом поеду в Йончёпинг к родителям.

– Ты их часто навещаешь?

– Нет. На Рождество и летом.

– Наверное, чей-нибудь день рождения?

Эмили сжала губы.

– Нет... просто чувствую, что пора.

– Хорошо... но мы должны все это обговорить толком.

– Да... и надо съездить в Вермдэ, посмотреть на этот дом.

– Само собой.

– А ты что собираешься делать?

– Позвоню своему сокамернику Шипу и поспрошаю насчет «Топстар».

– А это еще что?

– Колода... Ты не посмотрела?

– Нет... прощальная записка и дырка в глазу у Матса показались мне интереснее.

– На рубашке у каждой карты – лейбл. «Топстар». Рекламная колода. «Топстар» – скорее всего, один из игорных клубов.

– Может быть... а если это колода Беньямина?

– Все может быть. Но все остальное в этом мешке как-то связано с Матсом.

Станция метро «Синкенсдамм». На холме – два трогательных деревянных домика, сохранившихся, наверное, с позапрошлого века. Интересно, кто там живет, в этих крошечных сельских домах в центре Стокгольма. Наверняка не богатые люди. Это не их район. Здесь действует иная иерархия, иные кастовые законы.

Парень в потертых джинсах и куртке громогласно спорит с кем-то по телефону.

У Тедди куча дел. Надо найти для Николя нормальное жилье и работу. Надо навестить отца, Бояна. Позвонить Шипу. Попробовать узнать, как, где и на какие ставки играл Матс. Разузнать, кто именно убит в вилле на Вермдё. И прежде всего – позвонить Луке. Еще раз проверить, что ему известно про похищение Матса.

Тедди пошел к эскалатору. В потолке еле слышно гудят огромные вентиляторы. Он оглянулся – парень в куртке следует за ним.

Задержался у турникета – притворился, что ищет магнитную карточку.

Он не знал, что и подумать, – парень тоже остановился.

Поглядывает украдкой.

Выжидает.

Он приложил карточку к турникету и встал на эскалатор.

У него заболел затылок. Стены показались грязными.

На перроне почти никого нет.

Парень следует за ним. Метрах в десяти.

Подождал поезд на Норсборг.

Тедди не стал садиться, но и парень остался на перроне.

Через десять минут подошел следующий поезд, и оба сели в один и тот же вагон.

Что происходит?

13

У Эмили сразу возникло ощущение заброшенности. Она не ожидала.

Яблони, судя по всему, много лет никто не обрезал, из гравия торчат тут и там зеленые стрелки травы – если не почистить, к осени вместо дорожки будет лужайка.

А дом в прекрасном состоянии. Красная фалунская краска. Очень много затейливой деревянной резьбы – наличники, полотенце под коньком. Между деревьями просвечивает дымчатая синева моря.

Вермдё. Энгсвик. Дом, где нашли труп.

Найти фамилию хозяина труда не составило. Дом записан на гражданина Испании Хуана Арравену Уэрту. Никакой информации о нем получить не удалось, ни в Интернете, ни у испанских чиновников. Она решила на этом не останавливаться: надо посмотреть в бюро инвентаризации недвижимости. Посмотреть, когда и у кого этот загадочный испанец купил дом.

Они припарковала машину на посыпанной гравием полянке. Вышли: она, Тедди и Ян из «Редвуд Секьюрити» – бывший снют, переквалифицировавшийся в консультанта по обеспечению личной безопасности. Он пару раз уже помогал ей. Одет как всегда: голубая сорочка и пиджак. Достаточно мятые для какого-нибудь офисного клерка, но впечатление солидное. Эмили обратила внимание, что на месте пульсометра у него теперь красовались часики «Эппл», похожие на миниатюрный смартфон.

– Хорошая штука, – похвалился Ян. – Руки свободны. И зашибенно, правда? Можно поменять браслет, и эта штука будет следить за моим здоровьем.

Зашибенно. Последний раз Эмили слышала это слово, наверное, в семилетнем возрасте.

Ян, как и всегда, казался очень хмурым. Плотно сжатые губы, небольшие, но остро прочерченные морщины в уголках рта. На самом деле Ян вовсе не был брюзгой. Эмили он очень нравился.

Она позвонила ему сразу после судебного заседания и сказала вот что:

– Я поменяла профиль. Занимаюсь уголовным делом и хочу пригласить тебя в консультанты.

Она не сказала, сколько и как она будет ему платить. Не сказала потому, что у нее на этот счет не было ровно никаких соображений.

Через несколько недель Швеция впадет в летнюю кому.

Всю дорогу они с Яном перебрасывались шутками, обсудили новые методы идентификации ДНК, покритиковали надежду шведского тенниса Элиаса Имера и посмеялись над новой карикатурно-эпической рекламой «Вольво». Тедди участия в разговоре не принимал. Сидел и молчал.

Она вспомнила о бесстыжем предложении, с которым обратилась к нему несколько дней назад. Что на нее наехало? Тедди вовсе не ее тип, это же очевидно. Бывший известный гангстер. Бывший заключенный, получивший огромный срок за отвратительное преступление. Лузер.

А может, виноват коньяк – когда она уставала, оглушительно действовала даже небольшая доза спиртного. Или стресс – она бросилась в воду в совершенно не известные ей воды. На следующий день предстояло первое в ее жизни судебное заседание по уголовному делу, где она неожиданно для себя оказалась адвокатом. Понять можно – решила расслабиться. Полечиться сексом. Не вышло.

А заседание суда... конечно же все, чего она опасалась, сбылось на сто двадцать процентов. Что еще ждать? Она же зеленая, как майская трава. Новичок.

Когда записанное на видео заседание закончилось, ей дали возможность побыть с клиентом наедине. Она спрашивала, понимает ли он ее, он кивал. Но... что он действительно понял из ее вопросов? И насколько адекватны были ответы?

Неизвестно. Но все же она придвинула стул к его постели – надо было информировать клиента. Хотя бы для очистки совести.

– Вы знаете, что я никогда не работала с уголовными делами? И что я получила диплом адвоката всего несколько дней назад?

Беньямин промолчал.

– Так что должна сразу признаться – экспертом в уголовном праве меня не назовешь. Вам нужен защитник с многолетним опытом.

Глаза закрыты, веки слегка подрагивают. Скорее рефлекторно.

Ввязалась в историю. Не послушалась Магнуса Хассела и взялась за это дело.

Беньямин Эмануэльссон... судья вынес постановление о максимальных ограничениях. Никаких контактов с окружающим миром. Запрет частично касался и Эмили. Ее обязали согласовывать каждый свой шаг со следствием.

Но Беньямин попросил ее насчет Тедди. Пусть Тедди *попробует понять*. А может, она уже нарушила правила? Обратилась к Тедди? А что, если Беньямин притворяется? Вдруг он просто манипулирует ею, использует для передачи информации? Или для получения каких-то сведений, которые могут повлиять на ход следствия?

Выводы: ее должность в «Лейонс» под угрозой.

И не только. Под угрозой вся ее карьера и только что приобретенный титул. Короче, не сошла ли она с ума, взявшись за это дело?

Стоило ли?

Неизвестно. Важно: что он собой представляет, этот Беньямин? Какая подоплека? Кто убитый? Что произошло в Вермдё?

Она сделала еще попытку.

– Беньямин, ты меня слышишь?

Наконец-то! Слабый кивок.

– Ты понял, что я тебе только что сказала? Я адвокат, это правда, но у меня нулевой опыт в таких делах. И все равно хочешь, чтобы я тебя защищала?

И снова: слабый, но вполне осмысленный кивок.

Вход в дом все еще оцеплен бело-голубой полицейской лентой. На стене стандартное объявление: *ОЦЕПЛЕНО в соответствии с гл. 21 § 15 Уголовного кодекса. Нарушение влечет судебную ответственность.*

Для кого-то влечет, для кого-то нет. У Эмили официальное разрешение, подписанное прокурором Рёлен: разрешается осмотреть место преступления. И Янне, гений криминалистики, приглашенный ею суперконсультант – чем черт не шутит! Возможно, Ян и найдет зацепку. Полицейские детективы и криминалисты могли что-то и упустить.

Перед заседанием она получила памятку. Полицейские нашли окровавленную одежду в лесу. Возможно, одежда принадлежит Беньямину. Возможно, кровь на ней – это кровь жертвы. Мало обнадеживающее начало. Остается надеяться, что анализы ЦКЛ, Центральной криминологической лаборатории в Линчёпинге, не заставят себя ждать чересчур долго.

Парень уже неделю под стражей, но никакой новой информации ей не передавали. Она уже поняла: это типично для шведского уголовного суда. Прокуратура и полиция проводят первую фазу расследования под секретом – ни подозреваемый, ни его адвокат ничего не знают. И только когда первую фазу сочтут законченной, прокурор представляет имеющиеся

материалы. Большинство адвокатов терпеливо выжидают, когда им представят необходимые материалы. Эмили решила пойти другим путем – попытаться что-то узнать самой.

Янне аккуратно отодвинул ленту оцепления. Эмили даже не заметила, когда он успел натянуть латексные перчатки.

– Пожалуйста, ни до чего не дотрагивайтесь, – предупредил он.

Потянул входную дверь – не заперта.

В доме застоявшийся, тяжелый воздух.

Маленькая прихожая. Вешалка. Никакой одежды. Может, ее и не было, но... скорее всего, одежду забрала полиция.

Кухня на первом этаже. Полупустая, будто в этом доме никто, никогда и ничего не готовил. И ящики пусты, только в одном нашлись две тарелки и несколько вилок и ножей. Никакой бакалеи, холодильник тоже пуст. Одно из окон отсутствует. Вместо него – толстая полиэтиленовая пленка, закрепленная по периметру рамы степлером.

– Окно наверняка уехало в полицию, – сказал Янне. – И холодильник тоже сняты подчистили. А вот все остальное выглядит странно.

– Чем? Почему странно?

– Пошли дальше, – уклонился от ответа Янне.

В гостиной стояли диван, кресло, небольшой деревянный журнальный столик и трехпудовый древний телевизор.

Торшер на полу и одинокая лампа на потолке. Ни ковров, ни картин на стенах, ни штор на окнах, ни более или менее продуманного освещения.

Они остановились у столика.

Эмили неопределенно махнула рукой.

– Где-то здесь нашли убитого.

– Ты знаешь, кто он?

– Нет. Прокурор фамилию не назвал. Знаю только, что мужчина. Может, они и сами еще не знают. Идентификация и прочее.

Янне присел на корточки, вынул из коробочки обмотанную ватой палочку и показал на темные пятна на досках пола.

– Где-то здесь он и лежал. Могу сказать, что крови здесь было – ой-ой-ой. И здесь тоже...

Показал на стену, встал, достал из кофра камеру с чудовищно огромным объективом и сделал несколько снимков.

Ступеньки при каждом шаге издавали чуть не предсмертный стон. Особенно, когда на лестницу вступил Тедди.

На втором этаже было еще меньше мебели. Три маленьких комнатки почти пусты. В каждой кровать и прикроватная тумбочка – и все. Покрывала с постелей сняты, рулонные гардины опущены. То же, что и внизу: ни картин, ни штор на окнах, никакой мебели.

– Что-то здесь *чересчур* пусто, – задумчиво произнес Янне.

– И что это значит? – спросил Тедди.

Это были его первые слова с тех пор, как они вышли из машины.

– Полиция никогда не вывозит мебель, картины... тем более тарелки.

– То есть мне представляется...

– Мне тоже, – сказал Ян.

Эмили посмотрела на выцветшие обои с цветочным, в стиле ар-нуво, рисунком. Их, наверное, не меняли никогда. Построили дом – поклеили обои. Лет сто назад.

– В этом доме постоянно никто не жил, – заключил Тедди. – Я посмотрел – даже пылесоса в кладовке нет.

– ...Погодите-ка, – сказал Янне и нагнулся.

Прихожая была настолько тесной, что он задом отодвинул Эмили в кухню.

На этот раз он выудил откуда-то карманный фонарь.

Все, чуть не стукнувшись головами, присели на корточки.

Ян, не отводя фонарика, нащупал в кармане лупу.

Внизу, над самым плинтусом, виднелись четыре темных пятнышка.

– И как вы думаете, что это?

Эмили подняла на него глаза.

– Грязь, кровь, соус?

Ян попросил ее подержать лампу. Достал из наплечной сумки еще один пробник с ватной головкой и коробку с какими-то пузырьками. Потыкал в пятнышко и капнул на пробник какой-то жидкостью.

– Называется лейкомалахитовая зелень... – с удовольствием произнес он замысловатый термин. – Сейчас посмотрим.

Ватный комочек побурел.

– А теперь... а теперь перекись водорода и... – Он капнул из другого пузырька. – И... вуаля!

Вата стало ярко-синей.

– Кровь. На стене – пятна крови. Эта реакция хороша тем, что дает однозначный ответ – кровь. Притом она специфична не для любой крови, а именно *человеческой*. Посмотри, кстати, на форму!

Эмили нагнулась и посмотрела на пятна поближе.

– Ты видишь? Пятна небольшие, но все по одному образцу. Вверху поуже, книзу пошире, почти круглые.

Он поднялся и потянулся, расправив плечи.

– Выводы?

Тедди прокашлялся, хотел что-то сказать, но промолчал. Улыбнулся и пожал плечами.

– Форма означает, что кровь попала на стену сверху. То есть что-то происходило и здесь, в прихожей, не только в гостиной. И удар или что-то там... рана нанесена человеку, который стоял, а не лежал. Но скорее всего, не смертельная – крови немного.

Полицейское управление Стокгольма

Беседа с информатором «Мариной», 15 декабря 2010 года

Вел беседу Йоаким Сунден

Место: Эльвшё-центр

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА 3 (Часть 1)

Запись беседы

ЙС: Как вы сегодня себя чувствуете?

М: Похвастаться особенно нечем. Понимаете, когда человек прошел через такое, память лучше не беречь... Почти не сплю.

ЙС: Конечно, понимаю. Но правильно сделали, что пришли. Никто ведь не знает, что вы здесь?

М: Упаси бог... конечно, нет.

ЙС: Хорошо... вы помните, на чем мы закончили?

М: Конечно... я рассказал, как впервые встретил Микаэлу в «Кларе».

Верно?

ЙС: Абсолютно точно.

М: Вот-вот... я начал помогать им летом 2005 года. Главным образом, по вечерам. Дети и Сесилия жили на даче, до начала занятий оставалось еще несколько недель.

Микаэла ввела меня в курс дела... насколько могла. Я и так знал все эти нюансы по моей основной работе. Мы оформляли регистрацию фирм, выдумывали для них профили деятельности и адреса. Я получал эти одноразовые коды, которые тогда были в ходу, банковские пульта безопасности, доверенности, вел липовый учет. Очень скоро я понял, что за всем этим стоит не Себбе, а кто-то другой.

Через несколько недель Себбе сказал, что я должен присутствовать на переговорах с каким-то шефом из Хандельсбанка. Вы понимаете, что это значит: впервые за все время я должен был выйти из тени. Засветиться, как они говорят.

Когда я увидел Микаэлу, мне стало не по себе. Максим ждал нас в машине у подъезда банка. Встреча с банкиром... Джинсы в обтяжку, блузка с таким вырезом, что ее невероятная грудь чуть не вываливалась при каждом движении, туфли на высоченных шпильках... даже она, наверняка привычная к такому прикиду, двигалась с трудом. То и дело опиралась на мою руку.

ЙС: А кто она вообще такая – Микаэла?

М: Э-э-э... Я потом расскажу.

ЙС: Любовница Себбе?

М: Не думаю... Себбе не из тех, вокруг кого вьются женщины.

ЙС: А вы... какие были у вас с ней отношения?

М: Какое это имеет отношение к делу?

ЙС: Любопытно.

М: Я обещал быть точным, рассказать все, что знаю. И выполняю.

ЙС: Значит, женщины вас не особенно интересуют?

М: Я этого не говорил. Дело в том, что я в свое время дал себе слово сохранять верность моей жене... моей тогдашней жене. Но когда я увидел в тот день Микаэлу... я даже сказал ей – лучше бы одеться по-другому. Топик не такой открытый или шарфик бы, что ли, надела...

Микаэла посмотрела на меня так, будто я предложил ей сменить пол.

Пятнадцатью минутами позже мы сидели в конторе банковского шефа. Микаэла все же позвонила куда-то, поговорила раздраженно – по-сербски, наверное, не скажу точно, на каком языке, и исчезла («Только сбегая в НК»³⁴, – бросила на ходу). Явилась в блузке с круглым вырезом, обрамленным сверкающими камешками. Не могу сказать, чтобы стало намного приличнее.

Помещение довольно скромное; от кассового зала нас отделяли до блеска вымытые стеклянные стены.

Он представился: Стиг Эрхардссон, шеф отделения Хандельсбанка.

Шеф заметно нервничал: когда он снял пиджак, я обратил внимание на темные пятна пота под мышками.

После обмена любезностями я взял слово.

³⁴ *Nordiska Kompaniet*, дорогой магазин в центре Стокгольма.

– Я представляю, как вам уже наверняка известно, Power Work Pool и Power Kitchen Pool. Мы обеспечиваем различные предприятия квалифицированной рабочей силой. РWP, как мы его называем, обеспечивает кадрами строительную отрасль, РКР, соответственно – ресторанную. Материнское предприятие в Швеции называется Power All Pool. Мы занимаемся и другой деятельностью, но для начала достаточно. Позже, может быть, коснемся и прочего.

Стиг крутил ручку пальцами, довольно ловко.

Я прекрасно читал его мысли – годы за покерным столом дают определенные преимущества в этом смысле. Я видел, что этому человеку ничего так не хочется, как вскочить и убежать куда подальше.

– Приятно слышать, – сказал он. – И вы хотите, чтобы мы с вами работали?

– Совершенно точно. Это касается трех компаний. Нужен переводной счет, счет предприятия и, конечно, счет заработной платы.

– Разумеется... это не составит труда. Сейчас я приглашу Габриэлу Эрнандес, она поможет вам со всеми административными вопросами. Она же будет вашим контактным лицом.

– Очень хорошо. Я только хочу упомянуть еще одну деталь... есть некоторая особенность...

Я объяснил Стигу Эрхардссону эту особенность: главный владелец находится в одной из балтийских стран, и соответственно часть деятельности происходит там. Потом рассказал, как мы пытаемся реструктурировать компании, чтобы максимально снизить налоговый пресс.

Он кивал после каждой фразы.

Не спрашивал, кто хозяева, не интересовался пакетом акций или чем компания занималась раньше. Вполне удовлетворен лапшой, которую я вешаю ему на уши. Даже удостоверения личности не спросил. Ни у меня, ни у Микаэлы.

Наконец он открыл дверь и позвал Габриэлу. Наше новое «контактное лицо».

– Ты видел его подмышки? – ухмыльнулась Микаэла, когда мы сели в машину.

– Да... он нервничал.

– Но тачка у него неплохая, – она продолжала улыбаться.

– Какая тачка?

– Хорошо, когда у человека есть о чем подумать, – сказала Микаэла. – Мы полчаса назад размазали его «мерс» CLS-350. В гараже под «Галереей». И позвонили снютам. Они должны были ему сообщить перед самым вашим приходом.

– Что ты несешь?

– А ты интересуешься машинами? В самом деле крутая тачка: металлик, восемнадцатидюймовые диски, красное дерево панель. Двести семьдесят лошадей. Позавчера куплена. Верно я говорю, Максим?

Максим побарабанил пальцами по баранке.

– Тачка что надо, – сказал он.

Я поехал на дачу. Дождь лил как из ведра, и, как всегда в таких случаях, мертвая пробка. В понедельник надо переезжать в город и постепенно переходить к обыденной жизни. Особенно Сесилии, Бенъямину и Лиллан. Я буквально не находил себе места. Пробка не двигалась. Помню, я позвонил Виктору, самому близкому своему другу. Кому-то надо рассказать, в каком дерьме я оказался. Он недавно переехал в Сcone... неважно. Может, придумает выход. Он изобретательный парень. Дождь бил в лобовое стекло, как пулемет.

– Приве-е-ет, Матсик, – весело спел Виктор.

– Ты, похоже, наслаждаешься жизнью.

– У вас там льет, а у нас солнце во всю спину.

– Да... это правда. Некоторым везет. Чем занимаешься?

– Чернику собираю. Вечером друзья придут.

Пробка сдвинулась. Расплавчатые тормозные огни впереди погасли и тут же вспыхнули опять. Стоп. Дождь не унимался.

– Слушай, мне надо поговорить с тобой об одном деле, – сказал я и тут же услышал еще один голос.

– Рад стараться, – сказал он, – но сейчас, понимаешь, Фиа дышит в затылок.

Вереница машин пошла побыстрее.

– Я тебе перезвоню, – сказал я, нажал кнопку отбоя и придавил акселератор.

Виктор ничего не успел сказать, но я сразу почувствовал – он обрадовался. Даже в его дыхании чувствовалось облегчение. Представил, как он покачал головой и подмигнул жене – разговор, мол, долго не затянется.

Он даже представить не мог, куда меня несет.

На долю секунды возникла мысль: дождь. А что, если расстегнуть ремень, резко свернуть и направить машину на вот эту скалу?

Дождь. Дорога скользкая, никто и не подумает, что я сделал это нарочно.

Дождь. Струи дождя размывают и, розовея, уносят безостановочно льющуюся кровь.

Продолжение памятной записки в отдельном документе.

14

На Исаке наушники. Черные, массивные, с большой красной буквой «b»: «Битс бай Дре». Никола и сам бы не прочь занять такие, но они стоят, как чугунный мост. Отсидевшему год парню не по карману.

Мистер Первый жрет.

Мистер Первый жрет в наушниках.

Единственное, что слышно, – чавканье босса.

Никола стоял и не знал – можно ему сесть или нельзя. Или дожидаться, пока Исак поднимет на него взгляд. Или, по крайней мере, заметит, что кроме него здесь еще кто-то есть.

Исак. Бритый череп. Пузо упирается в край стола, хотя он отодвинул стул не меньше чем на полметра. На предплечье татуировка – сирийский орел. Хамон рассказывал, что это вовсе и не орел. Факел или солнце, но с крыльями.

– Орел должен быть красным, – Хамон был очень серьезен и говорил гладко, будто читал по книге. – Красный орел – это символ пролитой нами крови. Наш народ столетиями подвергался преследованиям.

Дед Никола когда-то с такой же убийственной серьезностью рассказывал о войне там, на родине.

Но это была не его, Николина, война. И там не его родина, что бы ни говорили шведские демократы³⁵.

Прошла почти неделя после того дня, когда двое в масках ворвались в клуб и ранили в ногу одного из парней.

Юсуф велел Николе прийти одному. «Стейкхауз Бар». Все знали, что Исак обедает именно там. И не только обедает: назначает важные встречи.

В животе: арктический холод.

В баре: вот-вот грянет гроза.

Никола после случившегося все время провалился в постели. Не решался показаться на улице. Даже не звонил никому. Было страшно, что скажет Юсуф, что скажет Хамон. Страшно даже попасться на глаза дорожной полиции.

Но теперь его вызвал Исак. А когда вызывает Исак, надо идти. Надо идти, хотя это может означать конец.

В баре преобладали темные тона. Черный пол и стены. Стилизация под Техас времен вестернов: притворяющиеся подлинными черепа буффало на стенах, пластмассовые кактусы, сомбреро и странные гитары, больше похожие на маракасы с натянутыми струнами. Кто-то сказал Николе, что такие гитары называются банджо. И сродни они не гитарам, а мандолинам.

Банджо так банджо.

В наружном зале, том, что обращен на улицу, – восемь квадратных темно-серых столов, еще шесть у окон, с двухместными диванчиками по каждую сторону, отделены перегородками. Массивная лиловая стойка размером *XXL*.

Во внутреннем зале уютнее. Семь круглых столиков, накрытых белыми скатертями, деревянные стулья с темно-красными кожаными сиденьями. Дощатый скрипучий пол.

Кроме них, в зальчике никого. Юсуф встретил Николу у входа, взял у него мобильник, толкнул в зал и закрыл за ним дверь.

³⁵ Шведские демократы – крайне правая политическая партия фашистского толка.

Неужели конец? И что же – Исак скажет несколько тщательно выбранных приветливых слов, а потом Юсуф посадит его в свою машину? Два часа копать яму в Тувэнгене под дождем, а потом встать на краю и зажмуриться в ожидании пули...

Те отморозки наверняка решили, что в кабаке не меньше трехсот тысяч спенн³⁶ налом. Но все равно: надо быть полным психом, чтобы решиться на такое дело. Даже ради трехсот кусков. Наверное, решили, что Исак присудит бóльшую сумму. Должно быть, выследили первого гонца, понадеялись, что тот привез все деньги, – и постучали в дверь.

А вот кто сообщил им условный сигнал – это вопрос. Значит, есть предатель.

Один долгий, четыре коротких.

Исак снял наушники и отодвинул тарелку.

– Ты пробовал их антрекот? С ребрышком?

– Не...

– Подойди поближе.

Босс отрезал кусок мяса. Сесть не пригласил. Не забыл – даже не собирався.

– Как они тебя называют? Человек-Библия? Библик?

– Иногда.

– Бабки нужны?

– Вроде нет.

– А внимание?

– Как это?

– Да так это. Тебя год не было.

– Я сидел в Спиллерсбуде.

– Слышал, пацаны отметили твое возвращение...

– Еще как.

Исак почесал за ухом.

– А как там Тедди? Медведь³⁷?

Исак и Тедди друзья с незапамятных времен. Никола не знал, встречались ли они в последние годы. Может, пока Тедди отбывал срок? Или потом? Но все равно – друзья.

– Тедди нормально. Снял квартиру. Работает на адвокатскую контору.

Почему-то было приятно говорить о Тедди. Или Медведе, как назвал его Исак.

Но Исак брезгливо поморщился.

– Ничего не понимаю. Медведь? Работает как паршивый шведанок? Как свеннис? Платит налоги? Ишачит на чужого дядю? Мой старый друг! Он вообще не знал, как это: дать задний ход. У него всегда была припрятана пушка в туалетном бачке. На всякий случай. Я точно не знаю, на сколько миллионов он нагрел это паршивое государство. На много. И ты хочешь сказать – он *работает*?

³⁶ Шведских крон (*жарг.*).

³⁷ Медведь (*шв. björne*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.